

INSPIRIA

СЬЮЗЕН ХИЛЛ

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

Серия
бестселлеров
о старшем
инспекторе
Саймоне
Серрэйлере,
которая
насчитывает более
МИЛЛИОНА
ПОКЛОННИКОВ.

INSPIRIA

Сьюзен Хилл
Остров забвения
Серия «Ток. Убийство по
соседству: романы Сьюзен
Хилл; Саймон Серрэйлер»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68935863
Остров забвения: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184333-5*

Аннотация

ЛЕГЕНДАРНАЯ СЕРИЯ ОБ ИНСПЕКТОРЕ СЕРРЭЙЛЕРЕ.
ОТ ЛЮБИМОГО АВТОРА КАМИЛЛЫ – НОВОЙ
КОРОЛЕВЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

Получив серьезную травму, которая полностью изменила ход его жизни, Саймон Серрэйлер отправляется на отдаленный шотландский остров. Но и там ему нет покоя. Внезапно исчезает недавно прибывшая на остров женщина, которую успели полюбить все жители. Местная полиция бессильна...

В Лаффертоне тоже неспокойно: в городе бушует поджигатель, а полицейский участок терроризирует женщина, чья дочь исчезла несколько лет назад. Дела накладываются одно на другое, и среди всего это безумия инспектору Серрэйлеру нужно сделать решающий выбор...

До безумия берущий за душу криминальный детектив о жизни старшего инспектора Саймона Серрэйлера. Сложное переплетение интриг, преступлений и личных переживаний.

«Сьюзен Хилл обладает удивительной способностью напугать, паразитить и вовлечь читателя всего за несколько предложений... Эта книга перенесет вас в пронизывающий мир отдаленного шотландского острова. Поразительно!» – CrimeReads

«A tour de force... Сьюзен Хилл мастерски исследует глубину человеческой души и разгадывает тайны. Прекрасная книга, запоминающаяся своими темными хитросплетениями и поворотами». – New York Journal of Books

«Жуткая, будоражащая воображение загадка... Личная и профессиональная жизнь Саймона сливаются воедино в сложном, ледящем душу повествовании». – Women's World

«Сьюзен Хилл на высоте! И новичкам, и многочисленным поклонникам серии будет трудно покинуть мир Серрэйлеров после чтения этой долгожданной части». – Booklist

Содержание

Пролог	6
Один	37
Два	46
Три	49
Четыре	56
Пять	65
Шесть	71
Семь	80
Восемь	85
Девять	100
Десять	107
Одиннадцать	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сьюзен Хилл

Остров забвения

© Масленникова Т.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается
Ее Королевскому Высочеству, Герцогине
Корнуолльской,
«самой большой поклоннице Саймона
Серрэйлера»*

Пролог

Очень долго вокруг была только чернота, и у черноты не было ни формы, ни очертаний. Но потом мягкая туманная серость начала проступать по краям черного, и вскоре возникли образы, которые сменялись очень быстро, как на страницах детской книжки с движущимися картинками. Сначала он не мог уловить их или отличить один от другого, но постепенно движение замедлилось, и он начал различать лица, части тел – руку, большой палец, затылок. Волосы. Образы начали пульсировать, сдуваться и набухать, как бьющееся сердце, лица смешивались, сливались и снова разделялись, один или пару раз они лукаво улыбнулись ему, а еще тихо смеялись сквозь выбитые зубы. Он пытался отвернуться или поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но словно околел, его кисть была холодной и тяжелой, как кусок мяса, который только что достали из морозилки. Он не знал, как ею пошевелить.

Лица распались на фрагменты и начали неконтролируемо крутиться, и он смотрел на этот вихрь сверху вниз.

Вспышка света. Внутри вспышки – миллион сверкающих острых иголок. Еще одна вспышка. Иголки растворились.

Саймон Серрэйлер открыл глаза.

Удивительно, насколько быстро мир приобрел свои привычные очертания.

– Какой сейчас день?

– Четверг. Сейчас двадцать минут шестого. – Сестра повернулась к нему, отвлекшись от капельницы, которую поправляла.

– Когда я очнулся?

– Вчера утром.

– В среду.

– А вы молодец. Как вы себя чувствуете?

– Сложно сказать.

– Боли есть?

Он задумался. Он повернул голову и увидел бледный четырехугольник неба. Крышу здания с карнизом по краям. Кажется, ничего не болело, но в левой руке и шее чувствовалась какая-то странная тяжесть. Остальные части его тела существовали как будто отдельно. Но это была не боль. Он помнил боль.

– Вроде бы все в порядке.

– Это хорошо. Вы молодец, – снова сказала она, как будто ей нужно было убедить его в этом.

– Да? Я в этом не уверен.

– Вы знаете, где вы?

– Не уверен. Может, в больнице?

– В точку. Вы в отделении интенсивной терапии Чаринг-Кросс, а я медсестра. Боннингтон. Меган.

– Ближайшая больница не Чаринг-Кросс... это... я не помню.

– Вы в Западном Лондоне.

Он позволил ее словам медленно осесть в сознании, и их смысл стал для него отчетливей. Он знал, где это – Западный Лондон, он однажды работал констеблем где-то в Западном Лондоне.

– Вы помните что-нибудь из того, что случилось?

Возникла вспышка. Части тела. Рука. Большой палец. Мертвый рот, сломанные зубы. Она погасла.

– Нет, кажется, нет.

– Не важно. Это совершенно нормально. Не надо истязать свой мозг, пытаюсь что-то вспомнить.

– Не уверен, что у меня есть мозг.

Она улыбнулась.

– Мне кажется, что есть. Давайте я поправлю подушки, устроим вас чуть-чуть поудобнее. Вы можете сесть?

Он понятия не имел, как ему может удастся что-то такое сделать, но она, кажется, приподняла его, слегка наклонила вперед на одной руке, взбила подушки, разгладила простыню и вернула на место без особых усилий. Он заметил, что весь был в трубках и проводах, прикрепленных к нему и ведущих к машинам, мониторам и капельницам, и что его левая рука лежала на своего рода подъемнике. Он посмотрел на нее. Бинты, длинный рукав из бинтов, доходящий до локтя и выше.

– Болит?

– Нет. Она как будто бы... никакая.

– Онемевшая?

– Не совсем. Просто... Не могу объяснить.

– Не стоит волноваться. Консультирующий врач придет посмотреть вас сегодня вечером.

– Кто он?

– Мистер Флинт. А Доктор Ло – старший ординатор. Он присматривал за вами последние пару дней. Но мы все одна команда.

– При мне целая команда?

– О, да, именно так, Саймон. Ничего, если я буду называть вас Саймон? Мы всегда спрашиваем, знаете, но вы были не в том состоянии, чтобы ответить. Как вы предпочитаете? Мистер Серрэйлер? Суперинтендант? Старший суперинтендант?

– О Господи, нет. Саймон – в самый раз.

Дверь слегка приоткрылась.

– К вам посетитель, так что я вас оставлю. Вот тут кнопка вызова, у вашей правой руки. Нажмите, если что-нибудь понадобится.

– Ну привет. – Кэт нагнулась и поцеловала его в щеку. – Ты снова проснулся.

– А сколько я спал?

– Большую часть последних трех недель.

– *Недель?* И давно это прекратилось?

– Вчера. Ты помнишь, что я была здесь?

Он попытался разобраться в спутанной куче картинок у

себя в голове.

– Я не... Нет.

Он мельком увидел встревоженный взгляд своей сестры, который она быстро спрятала.

– Мне сказали, что скоро придет консультирующий врач. Ты знаешь, что у меня есть собственная «команда»? Ты в ней?

Она улыбнулась.

– Ты принесла мне винограда?

– Нет. Но тебе же на самом деле не виноград нужен, да?

– Мне нужно узнать, что случилось и почему я здесь. Поговори со мной.

– Слушай, Сай, ты должен узнать все, но я не тот человек, который сможет рассказать тебе всю историю целиком, потому что меня там не было. Завтра снова приезжает Кирон, и, если ты думаешь, что готов выслушать, он расскажет тебе.

– Шеф был здесь?

– Конечно, был. Он привез меня в тот день, когда это случилось, и с тех пор приезжал сюда несколько раз – как только находил время, – и я коротко вводила его в курс дела каждый день.

– Seriously? Почему ты?

– Потому что я была здесь практически каждый день и разговаривала с медиками, так что могла переводить для него медицинский жаргон.

– Нет, я имею в виду... Я не понимаю, как вы вообще с

ним познакомились.

– Он стал опорой, Сай... Когда больше некому было меня здесь поддержать.

– О.

– Не надо «о».

Он попытался прочесть выражение на ее лице, но не мог на нем сконцентрироваться, потому что о себе дала знать боль в левой руке, которая становилась сильнее с каждой секундой. Она мощными волнами катилась по его плечу, отдаваясь в груди, а потом разливалась вниз и вверх по всему телу, как будто резала ножом и рвала клещами.

– Сай?

– Господи! – Он посмотрел на все эти бинты и на подъемник, который держал его руку. Если бы они горели, он бы не удивился. Ощущение было именно такое.

Кэт вскочила на ноги.

– Все нормально. Сейчас я разберусь... подожди.

Она не возвращалась час. Ночь. Весь остаток его жизни. Его по рукам и ногам сковала боль, и думать он мог только о боли. Он слышал собственный крик – настолько громкий, что он боялся, как бы они не пришли наказать его. Лица. Чернота теперь не была просто темнотой, по краям больше не было мягкого света, она стала алой в центре, и этот центр все расширялся и расширялся.

– Господи...

– Все хорошо. Кто-то идет. – Кэт крепко держала его пра-

вую руку. Она гладила его по лицу и вытирала слезы, но он не чувствовал стыда или смущения, за болью он не чувствовал ничего.

– Давайте-ка с этим разберемся, – сказал на этот раз мужчина, нависший над его койкой.

– Держись.

Он не мог держаться, но вариантов у него не было. Он лежал, корчась от боли. Кэт протирала его лоб от пота влажным полотенцем. И злилась. Она тоже злилась. Почему все вокруг злились из-за него?

Все закрутилось, люди входили и выходили из палаты, люди наклонялись к нему.

– Вот так, Саймон... еще секунду.

И тут – бесконечно легкое освобождение от боли, и его тело расслабилось, его лоб посвежел, его рука как будто исчезла.

– Ну вот и все. Вам нужно было нажать на колокольчик, Саймон. Нужно было сказать...

– Нет, – услышал он, как сказала Кэт. Он узнал этот ее тон, хотя она очень редко к нему прибегала. – Нет, дело тут не в нем, дело тут во всех остальных. Существует режим приема препаратов, и если ему не следовать, то происходит такое. И у меня заняло слишком много времени, чтобы найти кого-нибудь, кто хоть что-то знает о нем и о его состоянии, и заставить их прийти, – и не говорите, пожалуйста, что у вас была смена дежурства.

– Это была смена дежурства. Я прошу прощения.

– Господи боже!

Мужчина. Он был молод, с бородой, и его глаза были полны беспокойства, сочувствия и гнева.

– Саймон, я доктор Ло. Тан. Мы с вами знакомы, но это первый раз, когда вы видите меня после пробуждения. Боль ушла?

Он будто бы лежал на пуховой перине. Он не чувствовал ничего, кроме мягкости и легкости. Он блаженно улыбнулся всем присутствующим в комнате.

Он понимал, что снова заснул, и потом плыл по воздуху, а в итоге и по воде, но стрелки часов на стене напротив его кровати медленно двигались назад, так что он полностью потерял чувство времени и даже дня и ночи. Было светло, потом темно, а он все плыл.

– Сейчас пятница, – сказал кто-то.

Он выплыл на поверхность.

Их было двое, и Кэт тоже была. Его приподняли на подушках, а по оконному стеклу стекали серебристые капли дождя.

– Пятница.

– Мы хотели бы поговорить с тобой о том, что мы планируем делать, если ты сейчас готов?

Он узнал молодого доктора, но не пожилого, почти лысого и с маленькими круглыми очками.

– Я доктор Флинт, Грэг Флинт. Я консультирующий орто-

пед-травматолог.

– Это что, ученый совет?

– В какой-то степени. На самом деле я рад, что доктор Дирбон здесь... конечно, если вы не против. Я постараюсь выразиться понятно, но она сможет переводить наш жаргон, если мне это не удастся, и вы сможете задать ей вопросы. Я коротко ввел ее в курс дела, пока вы витали в мире грез.

– Теперь я здесь.

– И я прошу прощения за то, что вы остались одни с такими сильными болями, – этого не должно было случиться и больше не случится. Как у вас дела сейчас?

– Все онемело. Если вы имеете в виду руку.

– А все остальное?

– Нормально, вроде как. До этого у меня сильно болела голова.

– Это неудивительно – вы пережили очень сильный удар. Поразительно, как у вас не треснул череп.

Он нахмурился. Удар? Череп? Что? Он взглянул на Кэт.

– Все нормально, – сказала она. – Ты не помнишь. Это естественно. Все вернется. Или нет, но мозг у тебя не поврежден – снимки хорошие.

– Мне делали снимки? То, что случилось...

– Мы не волнуемся по поводу вашей головы и других ваших травм, они прекрасно заживают. Если бы не ваша рука, вы бы уже отсюда вышли.

Саймон почувствовал, как его сознание проясняется.

– Так... что же именно случилось с моей рукой?

– Если в двух словах, ее перемололо в измельчителе для мусора.

Мусора? Измельчителе для мусора? Но он кивнул.

– На данный момент мы сделали все возможное, но нужно подождать, чтобы понять, что именно еще можно спасти. Вы должны сделать повторный снимок, и когда мы на него посмотрим, все станет ясно – но пока раны слишком свежие. Мне очень хочется, чтобы я смог сохранить вам руку, Саймон, и, глядя на снимок, я вполне уверен, что мне это удастся, однако пока мы не положим вас на стол, нельзя сказать наверняка. Но иногда бывает, что все выглядит хорошо, а потом возникают проблемы. Хотя я этого не ожидаю. Я никогда не ожидаю проблем.

– Когда вы говорите «сохранить» мне руку...

– Да?

– Вы имеете в виду, что она будет как новая?

– Это от многого зависит. Я надеюсь, мы сможем восстановить 80 или даже 90 процентов функций – а дальше это вопрос времени и физиотерапии. Но вряд ли получится восстановить 100 процентов.

– Понятно.

– Физиотерапия крайне важна, и вы не должны пренебрегать упражнениями, никогда. Я сделаю все, что смогу, как и все остальные, но потом дело будет только за вами.

– Это меня не беспокоит. В отличие от мысли о потере

руки.

– Не переживайте. Мы получим снимки, я посмотрю на них и только потом буду планировать. Им нужно будет снять бинты, но мы вас сразу усыпим, а потом вам сделают новую перевязку. Они все равно делали это каждый день.

Внезапно он вспомнил. Они дали ему столько болеутоляющего, что он ничего не чувствовал, а она сказала: «Не смотрите туда, мой вам совет. Поверните голову. Раны всегда начинают болеть, когда на них смотришь».

Он повернул голову. Но все онемело.

– Сколько ждать операции после получения снимка?

– Если все будет хорошо, то, наверное, мы проведем ее в понедельник утром. Мне нужно выделить окно. Такого рода хирургическое восстановление требует времени.

Это заняло семь часов, во всяком случае, так они сказали, но эти семь часов не значили ничего, он снова вернулся под воду, он плыл и блаженствовал. Его жизнь мирно протекала мимо.

Дверь открылась, и он увидел мужчину в черных штанах и бледно-голубой кофте. Темные волнистые волосы. Он вспомнил о своих светлых волосах и понял, что ему давно не приходилось убирать их с того места на лбу, куда они постоянно падали. Насколько давно? Это могли быть и годы.

– Где мои волосы? – спросил он у мужчины, у которого их было много.

– Их пришлось сбрить, чтобы обработать раны, полагаю.

Не волнуйся, они отрастут. – Мужчина пододвинул стул к койке. Саймон знал его. Знал очень хорошо.

– Привет, – сказал он, чтобы дать самому себе немного времени.

– Кэт передает привет. Она рада, что все вроде неплохо, но ей нужно было сегодня заменить коллегу – видимо, больше никого не нашли. Она будет здесь завтра.

Значит, мужчина знает Кэт.

– Хотелось бы уже, чтобы мои чертовы мозги вернулись в тонус. Утомляет постоянно продираться сквозь вату в голове.

– Это из-за препаратов.

Значит, об этом он тоже знал.

Тут запор отодвинулся, и ворота распахнулись.

– Шеф... – произнес Саймон. Он захотел сесть, но на всем его теле будто лежали свинцовые гири.

Кирон Блайт улыбнулся.

– Я, – сказал он. – Не волнуйся, это тоже препараты. Как ты себя чувствуешь?

– Странно. Слушай, они не особо много мне рассказали. Что случилось?

За следующие полчаса Кирон рассказал ему все. Серрэйлеру показалось, что он специально умолчал о некоторых деталях – по крайней мере, пока, – но общая картина того, что с ним случилось, была ясна, и пока его начальник говорил, что-то мерцало в его сознании, возникая на горизонте и сно-

ва исчезая. Он как будто помнил, но никак не мог вспомнить, и все же история казалась знакомой, она имела для него смысл.

– Я не особо много могу сказать тебе про травмы, но это уже сделали врачи.

– Не то чтобы.

– Они сказали – наверное, ты просто не все уловил, и это понятно. – Он откинулся на стуле и сложил руки на груди. В обычной одежде шеф выглядел моложе, но так всегда бывает. Золотые позументы добавляют веса, а с весом – и возраст. Он был всего на несколько лет старше Саймона.

– Спасибо, что приехали.

– Я приезжал и раньше, но ты был в отключке. А сейчас я очень рад тебя видеть. Мы волновались.

– Я несокрушим.

– Похоже на то. Твоя сестра не была в этом так уверена. – Он положил ногу на ногу, а потом поменял их. Саймон заметил в нем какое-то напряжение, или даже нетерпение – он не мог сказать точно, хотя дымка, клубящаяся вокруг его мозга, снова начала рассеиваться. А рука – болеть. – Я сводил ее на свидание пару раз.

– Кэт?

– Кэт. Надеюсь, ты не против.

Саймон рассмеялся.

– Какое это имеет отношение ко мне? Ее жизнь – это ее личное дело.

– Но вы достаточно близки.

– Да... всегда были. Странно – стоило бы ожидать, что это будем я и Иво, но этого так и не случилось. Он всегда был белой вороной. Иво совсем другой.

– Кэт говорит то же самое.

Значит, они общались даже на эту тему, что Кэт редко делала. Она никогда не была особенно скрытной в отношении себя самой, своего брака, карьеры, детей, занятий, но в отношении их троих – да, как и он, раз уж на то пошло. Он ничего не знал об Иво. Австралия манила Иво еще до того, как он стал квалифицированным врачом, но, когда это случилось, она забрала его навсегда. Он так и не вернулся.

После ухода Кирона и до того, как он снова отключился от очередной дозы болеутоляющих, было небольшое светлое окошко, в которое он успел подумать. Об этом мужчине – о старшем констебле и, следовательно, его начальнике, о нем как человеке, который находится в отношениях – во что бы они в итоге ни вылились – с его сестрой.

Он крутил эту мысль так и эдак, внимательно рассматривал ее со всех сторон – идея о них двоих вместе была словно хрустальный шар, который он держал в руках.

Ничто не казалось неправильным. Ничто его не смущало.

– Как самочувствие? – Резкая, не улыбочивая сестричка. Не улыбочивая, но не бесчувственная, подумал он, но она не позволит поймать себя на внешнем проявлении сострадания. Немножко похоже на него.

– На самом деле, даже когда действие лекарств прекращается, все не так плохо – в тысячу раз лучше, чем было раньше.

– Хорошо.

– Когда я смогу посмотреть?

– Мистер Флинт будет решать. Наверное, завтра.

– Когда я смогу начать снова ей пользоваться? Нет, забудьте. «Мистер Флинт будет решать». Но, милая, *милая* сестричка, побудьте для меня мистером Флинтом, только сейчас. – Он приподнял одну бровь. Она выкинула использованный шприц в ведро для отходов, стянула перчатки и выбросила их тоже. Выходя из палаты, она сказала:

– Не испытывайте удачу.

Саймон подумал, что она, вполне возможно, улыбалась.

Следующим утром она держала его за правую руку, а вторая сестра толкала его стойку с капельницей, пока он совершал свою первую прогулку, медленно шагая по больничному коридору. Его ноги шли неуверенно, как будто им нужно было указывать, как двигаться дальше, одной, а потом другой, но, когда они добрались до поворота в другой коридор, все встало на свои места.

– Я могу идти дальше.

– Что я вам сказала?

– Не испытывать удачу?

– Вот и не испытывайте. Но все прошло очень хорошо, и попозже вы сможете пройтись еще раз.

Саймон был доволен, как ребенок, который нашел в своей домашней работе одни плюсики.

После еще двух прогулок по коридору он ускорился. Ходить снова казалось нормальным. Все синяки и ушибы, что он нашел на своем теле, на ногах, на правой руке, сходили и заживали очень быстро. В зеркале он видел, что его волосы снова отросли и закрыли собой все шрамы и швы, которые ему наложили. Интересно, их снова сбреют, когда будут снимать? Будут ли они вообще их снимать? Он хотел спросить, но сестра ушла. Он внезапно почувствовал невероятную усталость, а потом холод. С постельным бельем тут было неважно. Ему нужно было теплое одеяло, но в больницах не бывает теплых одеял.

– Ужин.

Поднос с жестяным колпаком на тарелке. Сбоку – мисочка с чем-то, похожим на салат из консервированных фруктов с кремом. Молодой человек с сияющим видом поднял колпак, и из-под него вырвался запах цветной капусты. Цветная капуста. Кусок мясного пирога. Три маленькие картофелины.

– Я на самом деле не уверен, что голоден. Не могли бы вы это унести?

Он улыбнулся и сказал:

– Надо попробовать. – Поляк? Румын? – Есть – это правильно. Не есть – ничего хорошего не будет. Да?

И он убежал за дверь. Колеса тележки скрипнули по полу коридора, и жестяные крышки на тарелках загремели.

Он не мог есть. Он не мог ничего проглотить, хотя выпил стакан воды и попытался дотянуться до кувшина на прикроватной тумбочке, чтобы налить себе еще. Но он не смог до него достать.

Ему было так жарко, что стало плохо. Ему было плохо от запаха еды, и от духоты, и от головной боли, и от пульсации в левой руке.

Очень долго пролежав совершенно неподвижно, чувствуя себя все хуже и хуже, гадая, придет ли кто-нибудь, не понимая, что делать с подносом с едой, не понимая, в конце концов, где он находится и почему, он заметил что-то на своем покрывале. Он сначала не сообразил, что это такое, но потом протянул руку и обнаружил, что там была кнопка, на которую можно было нажать.

– Альты, у вас по-прежнему разнобой. Я понимаю, это сложно, но давайте еще раз.

Это было сложно. Они репетировали сочинение Джона Тавенера уже месяц, и у них едва начало получаться что-то дельное. Альты старались изо всех сил. Кэт старалась изо всех сил. Реквием Моцарта, который Хор святого Михаила будет исполнять на том же концерте, казался спокойным плаванием по сравнению с ними.

– Это не тяжелее, чем Бриттен, которого мы пели на Рождество, – так что давайте, соберитесь.

– Это намного тяжелее, – пробормотала соседка Кэт по альтам. – Seriously, мы же не Лондонский филармонический

хор.

– Нет, Нэнси, – мы пытаемся быть еще лучше. Так, назад на страницу, пожалуйста.

Эндрю Браунинг, дирижер, был суровым начальником, гораздо более требовательным, чем прежний. В рядах хористов он уже стал известен под прозвищем Браунинг Жестокый.

– Раз, два, три, и...

Телефон Кэт завибрировал в кармане. Она проигнорировала его. Он продолжал вибрировать раз в пять минут, и она продолжала его игнорировать. Если Сэм снова забыл свои ключи от входной двери, может подождать в сарае в саду.

Они взлетели на гребне мощной вокальной волны, и внезапно все идеально встало на свои места. Видимо, Тавенера все-таки можно было исполнять.

Они сделали перерыв, чтобы промочить горло, и Кэт проверила свой телефон. На экране высветилось имя Сэма. «Нет, – подумала она, – хватило с меня одного раза, Сэмбо, это научит тебя брать ключи». Она представила себе, как он, съездившись, сидит в сарае и ждет, пока она вернется.

– Кэт, к тебе кто-то пришел.

Она подняла глаза. Сэм не был в сарае в саду, он шел по залу прямо навстречу ей, и его лицо говорило, что дело не в потерянных ключах.

– Как ты сюда добрался?

– Кирон. Мне только он пришел в голову, потому что ты

не отвечала. Нужно ехать, машина ждет.

– Какая машина? Зачем?

– Саймон. Звонили из больницы. Мам, надо торопиться.

Кирон был не похож на ее мужа, Криса, в стольких отношениях, что она не могла и сосчитать, но в двух, и именно тех, которые имели для нее огромное значение, они были схожи. Крис был спокойным и невозмутимым. И Кирон тоже – может быть, даже в большей степени. Она заметила второе сходство по пути домой поздним вечером в тот день. Кирон не спрашивал ее, как она себя чувствует, не пытался давить улыбку при сложившейся ситуации, ни разу не сказал про Саймона: «По крайней мере, он...» Он сидел рядом с ней на заднем сиденье машины, держал ее за руку и не говорил ни слова, пока не заговаривала она. Они ехали быстро и без остановок, но им теперь не надо было гнать к Саймону на всех парах. Все уже случилось. Они приехали как раз к тому моменту, когда его на каталке вывозили из операционной обратно в палату. Вышедший прямо за ним врач, все еще в хирургическом костюме, жестом показал им следовать за собой в пустой холл. Они с Кираном встали, Кэт присела на единственный стул.

– Боюсь, я не мог ждать, пока вы сюда доедете. Время играло решающую роль – инфекция в его руке распространялась очень быстро, и, если бы я не добрался до нее, он бы мог умереть от сепсиса. Все было очень плохо.

– Так что вам пришлось ее ампутировать.

– У меня не было выбора. И это какое-то безумие, потому что я был совершенно уверен, что спас его руку. Это заняло много времени, но сработало. Все шло так, как я планировал, и выглядело лучше, чем я смел надеяться.

– А потом это.

– Риск сепсиса всегда существует, как бы осторожны мы ни были.

– Я постоянно говорю людям, что, когда дело касается инфекции, им безопаснее находиться вне больницы, чем внутри нее.

Хирург пожал плечами. Он выглядел измученным – серое лицо, темные круги под глазами. Было уже сильно за полночь.

– Вы можете пройти и быстро взглянуть на него, но, скорее всего, он не поймет, что вы пришли.

– Но с ним все будет в порядке? – Это был первый раз, когда заговорил Кирон.

– Да. Источник инфекции устранен, и мы накачали его самыми сильными антибиотиками, что у нас есть, мы их очень редко используем. Температура спала. Так что да, он будет в порядке. Не уверен, когда смогу выпустить его из отдела интенсивной терапии, но не вижу причин, которые могли бы помешать ему вернуться домой через пару недель. А потом начнется...

– Физиотерапия?

– Да, но больше подготовка к протезированию. Они хотят

начать, как только станет безопасно. Я направлю его в лучшее отделение, специализирующееся на этом. – Он выпрямился. – Завтра, – сказал он. – Я без сил.

После ухода доктора они помолчали еще несколько минут. В помещении операционной было тихо. Только отделение экстренной хирургии работало в такой час, и сейчас там никого не было. В больницах редко бывает так спокойно. Кирион протянул ей руку.

– Слушай, ты наверняка хочешь увидеть его, но только не сегодня. Он даже в себя не пришел. Я позвонил на работу и сказал, что завтра не приеду, но меня могут вызвать, если будет что-то срочное. Так что, думаю, стоит найти нам отель. Поедем туда, выпьем, съедим, надеюсь, хотя бы по сэндвичу и завтра утром первым делом вернемся сюда. И, – он положил руку ей на ладонь, – ничего такого. Два номера.

– Я не...

– Я знаю. Я тоже. Пошли, сегодня ты уже ничего не сможешь сделать, и тебе нужно поспать.

Сетевой отель оказался всего в миле от них. Там было чисто и удобно, у них были номера и работающий бар. Кэт, которая следовала за Кирином к столу, чувствовала, будто она плывет, а не идет по твердой земле. Она спрятала свои чувства по поводу Саймона в тайное место в голове, которое доктора обычно держат специально для таких случаев. Когда ты не в состоянии сразу разобраться с чем-то шокирующим и ужасным, ты быстро учишься пристраивать это куда-то. Но

не хоронить. Так накопившиеся проблемы начинают гнить.

Кирон принес две большие порции виски и кувшин с водой. Поздний ужин был доступен до двух часов. Он заказал омлет.

– Все нормально?

Кэт покачала головой.

– Я в порядке. Я могу с этим справиться. Но ты должен ответить на один вопрос, Кирон. Это самый важный вопрос после «будет ли он жить?».

– Я почти уверен, что знаю, что это за вопрос.

– Хорошо.

– Допустим, если Саймон полностью выздоровеет, но у него будет протез вместо руки, сможет ли он остаться в полиции?

Она отыскивала взглядом его лицо, но ничего в нем не увидела.

– Конечно, сможет. Разумеется. Это даже не обсуждается, особенно когда речь об уголовном розыске. Он останется в полиции, если уж об этом зашел разговор, но в этом случае будет чуть больше оговорок и ограничений. Хотя в уголовном розыске – ничего такого.

– Правда?

– Это будет зависеть только от меня, когда свое слово скажут врачи, и, разумеется, если Саймон сам скажет мне, что хочет остаться. Он может не захотеть.

– О, конечно, он захочет. Что ему еще делать?

– Он рисует левой рукой?

– Нет, он правша. Но как бы хорош он ни был – а он хорош, – он не может заниматься только этим. Он коп. Это его сущность последние двадцать с лишним лет.

– Он по-прежнему останется копом.

Им принесли еду, и Кэт быстро съела свою порцию и выпила свой виски, пока у нее не закрылись глаза.

– Мне еще нужно разобраться с парой вещей. Ты иди спать. Мы можем позавтракать перед тем, как пойдем его проведать, а потом я должен буду вернуться в Лаффертон.

– Спасибо, – сказала она, и ее глаза наполнились слезами, которых она не ожидала. – Я не справилась бы со всем этим без тебя.

– Конечно бы, справилась. Я просто рад, что тебе не пришлось.

Он протянул ей руку, и она сжала ее на несколько секунд, прежде чем собрать последние крупницы энергии, чтобы подняться в свой номер и лечь в постель.

Кирон допил виски и выпрямился на стуле, предавшись размышлениям о старшем суперинтенданте, который перенес психологическую, эмоциональную и тяжелейшую физическую травму и теперь будет вынужден встать на медленный, тяжелый путь выздоровления, к чему бы оно ни привело. Он был в курсе всех достоинств современных протезов и слышал о бионических руках, встраиваемых в организм таким образом, что они получают сигналы напрямую от мозга

и справляются с задачами не хуже настоящих. Он знал, что Серрэйлер будет терпеть минимальные неудобства относительно работы. Он сможет пользоваться компьютером и водить машину, преуспевать в областях профессиональной деятельности, на которые все это не повлияет, – проводить допросы, изучать дела, встречаться с коллегами, инструктировать команду.

Но он знал, как ему и было положено, что Саймон не самый простой человек. Он был отличным детективом, но его тяготили личные проблемы, которые, вероятно, никогда не разрешатся. И несмотря на то что раньше они никак не влияли на его работу, они могут вылезти наружу теперь, когда Саймон стал максимально беззащитен, и спровоцировать неприятности. Предсказать это было невозможно. Все, что он сейчас мог делать, – это смотреть, и ждать, и оказывать всю поддержку, на которую только был способен, а еще не рассчитывать ни на слишком многое, ни на слишком малое. А еще он мог обратить внимание остальной команды в Лаффертоне на то, как важно делать то же самое.

Бар опустел. Кирон допил остатки виски, сильно разбавленного водой, и встал. Он надеялся, что Кэт удалось заснуть.

Кэт. Она была сильной, стойкой, толковой женщиной, заботливым врачом и любящей одинокой матерью. Но он достаточно рано осознал, что она была и очень уязвима, не только из-за своих детей, но и из-за своего брата. Она знала

Саймона так же хорошо, как и всех, – наверное, лучше, чем он знал самого себя. Она сразу поймет, как на нем может отразиться травма, в том числе и не самым очевидным образом. Физически он справится. Но для его восстановления понадобится нечто гораздо большее, чем какая-то реабилитация и физиотерапия. Серрэйлеру будет нужна помощь ото всех, и прежде всего от Кэт, и она даст ему столько, сколько он попросит, и даже больше.

Но когда Кирон шел по лобби отеля к лифтам, его мучил другой вопрос: останется ли у нее после всего этого, после брата и детей, что-нибудь для кого-то другого?

Он проснулся в начале седьмого утра и не смог снова заснуть. Номер был достаточно комфортный, но в нем слишком сильно топили и нельзя было открыть окна. Он вышел. Улицы вокруг отеля выглядели так же уныло, как и любые другие улицы в районе, прилегающем к промзоне или шоссе. Кирон бы пошел на пробежку: от этого скучные места всегда казались менее скучными просто потому, что ты не успеваешь как следует их разглядеть. Но ему пришлось ограничиться быстрой ходьбой, потому что он не взял с собой спортивной одежды. Он сорок минут гулял среди офисных зданий из бетона и металла, крытых ангаров, оптовых складов и автомобильных парковок, которые уже начали потихоньку заполняться. В миле справа от себя Кирон заметил плоскую крышу больницы и повернул обратно.

Кэт все еще не встала, так что он заказал себе кофе и

проверил телефон. Ни одного сообщения. Он подождал еще полчаса, почитал газету, а потом позвонил в участок. Его личный ассистент оказался на месте, но у него тоже ничего не было. Он как-то странно нервничал, как будто обязательно должен быть на работе и что-то делать – не важно что. Он позвонил дежурному офицеру.

– Докладывать не о чем, сэр. Пара дорожных происшествий в другом конце области, со всеми разобрались. Одно сообщение о проникновении со взломом, но – ложная тревога.

– Значит, ночь у нас была тихой.

– Похоже на то. Только одно сообщение, да и то, наверное, ерунда. Лаффертон. Кто-то разжег костер рядом со старыми складами у канала. Костер такой, что не стыдно и в Ночь Гая Фокса зажечь, – деревянные опилки, палки, обломившиеся ветки. Бумага. В форме вигвама. На самой вершине лежала велосипедная шина, а потом еще все это залили лаком. Все переполошились именно из-за запаха, позвонили сразу несколько человек – по поводу него, а еще густого черного дыма. Пожарная бригада подоспела вовремя и разобралась с ним без проблем, но выглядело эффектно. Кто будет так заморачиваться?

– Какой-нибудь психопат. Никакого ущерба?

– Он даже к деревьям близко не подобрался.

– Если это самое страшное, что произошло ночью, то нам нечего жаловаться.

Когда он закончил разговор, зашла Кэт.

– Завтрак. Тебе нужно поесть, – сказал Кирон. Тревоги вчерашнего дня тенью легли на ее лицо.

– А мы можем сразу поехать в больницу?

Он уговорил ее взять кофе, но выпить его так и не заставил. Через четверть часа они уже были в палате Саймона.

Он сидел весь в капельницах и проводах, а вокруг монотонно пищали машины. Он был бледен, его лицо как будто похудело, и в данный момент он с жадностью пил из стакана-непроливайки через трубочку.

– Однорукий бандит, – поприветствовал он их. Не похоже было на шутку.

– Я оставлю вас двоих ненадолго, возьму кофе.

Но Саймон поднял руку.

– Я знаю, что ты пришел сказать. Давай я тебя послушаю. – Его голос звучал устало.

– И что же я должен сказать? Просвети меня.

Кэт посмотрела сначала на одного, потом на другого, как будто перед ней два мальчишки, которых поймали за дракой в то время, как они должны помогать друг другу.

– Сай...

– Все нормально. Просто пусть он выкладывает, а потом может уходить.

Отчасти это было из-за препаратов, отчасти за него говорила боль, но Кэт его знала, знала, каким он бывает гордым и злым. И знала, что сейчас, скорее, чем когда бы то ни было,

он предпочтет принять весь удар целиком и услышать худшее сразу.

Кирон вздохнул и шагнул поближе к постели. Он протянул руку и коснулся плеча Саймона одним пальцем, легко-легко.

– Послушай, – сказал он. – Тебя многое ждет впереди. Я не знаю и половины, и, как я полагаю, ты сам пока не знаешь. Но сколько бы это ни заняло времени, ты вернешься. Старший суперинтендант, на полной ставке. Как только тебя выпишут. И это не обсуждается, потому что ты слишком ценен, и никаких препятствий у тебя к этому нет. Ты меня понимаешь?

Саймон долго на него смотрел, но потом кивнул головой.

– Ну, больше тут сказать нечего. Сосредоточься на выздоровлении.

– Шеф. – Уголок его рта слегка дернулся.

Кирон кивнул и пошел искать кафетерий.

Кэт улыбнулась. Кирон досконально изучил ее брата. И это имело огромное значение, причем в нескольких отношениях.

Она села рядом с постелью.

– Это настоящая подстава, – сказала она, – просто жутко не повезло. Можно сделать все в лучшем виде, но риск инфекции всегда существует.

– Теперь как есть.

– Хочешь обсудить это со мной поподробнее или оставим

это им? Лучше, наверное, так, ведь они эксперты.

– Ты не мой врач, ты моя сестра. Давай остановимся на этом.

– Хорошо. Без разговоров. Но ты знаешь...

– ...что ты всегда рядом, если я передумаю? Да, я знаю.

Спасибо. И все-таки: я останусь здесь, или меня отправят домой... или что?

– Не знаю, но, скорее всего, тебя выпишут, как только врачи будут уверены, что инфекция под контролем. У тебя довольно мощные антибиотики, и нужно будет принимать их еще пару недель в виде таблеток. Так что, если хирург будет всем доволен, нет никакой надобности тебе занимать койку. Но тебя нельзя отправлять домой.

– Почему?

– Ты боец, Саймон, но тебя буквально перемололо. Сразу оставаться одному в квартире – не вариант. Лучше бы тебе приехать к нам. Я не хочу задерживать тебя даже на лишний час, но мне необходимо удостовериться, что с тобой все в порядке, прежде чем отпустить домой.

– Да, доктор.

Кэт испытала смесь облегчения и беспокойства. Она явно не ожидала, что Саймон мгновенно согласится на все, что она предложила.

– Скажи мне честно... как ты себя чувствуешь? Я имею в виду не боль или неудобства... все это, то есть... Сай, ты потерял руку. Не пытайся отмахиваться от того, как это на

тебя влияет... на твоё настроение, на твой характер, на твою естественную уверенность, которую ты раньше испытывал в собственном теле. Не нужно хранить все в себе.

Саймон уставился прямо перед собой, и Кэт ничего не могла прочесть на его лице. За дверью – обычный больничный шум. Ей понравились несколько лет интернатуры, когда она работала среди этого шума, но карьера в больнице ее не прельщала, и теперь она была уверена в своем решении больше, чем когда-либо. Пациенты появлялись и исчезали за несколько дней, иногда часов; очень редко возникал шанс с ними познакомиться, и никогда – проследить за их судьбой. Кэт любила работать с людьми. Ни хирургия, ни анестезиология не привлекали ее, во многом из-за недостатка живого общения с пациентами.

– Я не знаю, как буду справляться с этим, пока не пойму, что именно меня ждет, – сказал Саймон. – И что я смогу делать. Слава богу, это левая рука – вот все, что я могу сказать сейчас. Налей мне воды?

Когда Кэт отдала Саймону стакан, он посмотрел ей в глаза.

– Но все-таки одну вещь я тебе скажу.

Он не сводил с нее глаз и медленно пил. Кэт ждала, предчувствуя, что это будет что-то важное. Она не хотела подготавливать брата и боялась смутить до такой степени, что он откажется говорить. Они часто беседовали, и иногда он говорил ей всякое, время от времени немного открывался, намекал

на свои истинные чувства, но она никогда не забывала о том глубоко личном, внутреннем ядре, куда ей никогда не будет доступа. Она научилась уважать это.

Саймон передал Кэт пустой стакан и на секунду сжал ее руку.

– Ты должна выйти за шефа, – сказал он.

Один

В последний раз, когда Серрэйлер навещал остров, он спустился туда с неба в маленьком самолете. В этот раз он прибыл по морю, на рейсовом пароме, который привез его, еще пару пассажиров и ящики с провизией.

Остров Тарансуэй был похож на кротовую спину – коричневый и отливающий золотом на солнце. Он и забыл, какой маленькой была единственная деревня – скопление приземистых домиков из серого камня, глядящих на воду. За ними бледной линией проходила дорога, которая затем превращалась в шоссе, поднималась вверх и сворачивала за холм, где расположились несколько отдельных коттеджей и ферм. За исключением их, это были дикие, пустынные земли. Несколько зданий, приютившихся в песчаных заливах, использовались в качестве гостиниц для приезжих, но к концу сентября они пустели, и островитяне закрывались на очередную зимовку.

Он присел на палубу. Небо клубилось облаками, но в кои-то веки в воздухе был лишь легкий бриз, а не сильный ветер. Если вам нравится буйство грозových вихрей и вы хотите, чтобы вас сбивало с ног от их мощи, Тарансуэй, как и все близлежащие острова, – как раз то, что нужно.

Когда слабое течение понесло их в бухту, у Саймона появилось странное чувство, будто он заново входит в свою

старую жизнь, но теперь совершенно другим человеком. Прошло почти шесть лет, а ощущалось как шесть сотен. Он был молод. Здоров, крепок, невредим. А сейчас он уже не был так невредим, хотя с физическими последствиями того, что он лишился своей руки и пользовался протезом, справиться было гораздо проще, чем с психологическими. Потеря конечности не давала ему покоя. Саймону почти каждую ночь снилось, что рука – по-прежнему неотъемлемая его часть. Он чувствовал себя неполноценным, даже когда ощущал растущую силу и ловкость и привыкал к новым способам выполнения привычных действий.

Чайки сбились в шумную прожорливую стаю, преследующую лодку: она развернулась и стала медленно подходить к своему надежному причалу у набережной. Саймон поднялся, потянулся и посмотрел перед собой.

Высокий мужчина. Женщина чуть пониже. И маленький мальчик. Они стояли вместе. Мужчины из лавок и пабов подойдут, чтобы начать разгрузку, как только «*Брайт Ласс*» пришвартуется и опустит трап, выпуская пассажиров. Саймону хотелось спрыгнуть на набережную. И в то же время ему хотелось спрятаться под палубой, пока судно не будет готово отправиться обратно.

Дуглас заметил его. Кирсти махала рукой. Мальчик просто стоял, засунув руки в карманы шорт. И смотрел.

Дуглас подошел первым, он взял сумку Саймона и похлопал его по спине. То, что произошло между ними в прошлом,

действительно осталось в прошлом, и когда Кирсти заключила его в крепкие объятия, это ощущалось естественно, сердечно и прежде всего по-дружески и никак не напоминало о том, что случилось между ними несколько лет назад. И, казалось, ни малейшим образом не смутило Дугласа.

– Это Робби.

У маленького мальчика были волосы землистого цвета, серые, как тюленья шкура, глаза и волевой взгляд отца. Он протянул руку, и Саймон торжественно ее пожал, заметив, как заострилось внимание мальчика.

– Можно мне посмотреть вашу бионическую руку? – спросил он.

– Робби! Что я сказала тебе перед тем, как выйти из дома?

– Не спрашивать про бионическую руку, знаю, но мне слишком интересно.

– Я покажу. Только не сейчас.

– Почему не сейчас?

– Потому что мы с рукой очень устали после долгого путешествия на машине, двух поездах и пароме.

– Ладно. – Робби залез на заднее сиденье «Лэнд Ровера». – Тогда покажете мне ее завтра, когда ваша рука немножко отдохнет, хорошо? Обещаете?

– Обещаю.

Робби пристегнул ремень, удовлетворенно улыбаясь.

– Если ты не против заехать и выпить с нами чаю, я тебя потом подброшу, – сказал Дуглас, выворачивая свой ста-

ренький внедорожник на шоссе, которое круто поднималось вверх. – Или хочешь сначала закинуть свои вещи?

– Он хочет не это, он сначала хочет поехать к нам домой!

– Робби, следи за языком!

– Ну, на самом деле он прав. Мне бы этого хотелось.

Мальчик не сводил с него глаз. Он глядел на руку и кисть Саймона, покоящуюся на сиденье между ними.

– Как тебе кажется, изменилось что-то? – спросил Дуглас, показывая рукой на окружающий пейзаж.

– А за последнюю тысячу лет что-то изменилось?

– Ну да – тысячу лет назад людей здесь было больше, чем овец и участков для размежевания.

– Все точно так же, как и в последний раз, когда я был здесь.

– Ты еще не видел наш дом!

Но и дом тоже выглядел по-прежнему – по крайней мере, спереди: низкий, выкрашенный в кремовый цвет домик, окруженный полем и холмами. Раньше Дуглас жил в нем один. Но когда они вышли из машины, Саймон заметил пристройку с мансардой, притулившуюся у задней части дома, которая выходила к морю.

– В прошлом месяце мы ее наконец-то закончили. Ты знаешь, как тут все делается.

– Видите? Посмотрите, мистер Саймон, вон там наверху – МОЕ окно. В МОЕЙ собственной комнате.

– Ничего себе, Робби, какой обзор! Ты можешь выслежи-

вать контрабандистов и шпионов, а не только птиц и тюленей.

Серые глаза Робби округлились.

– Контрабандистов?

– Разумеется, тебе понадобится хороший бинокль.

– О, у меня есть!

– И телескоп тоже не помешает.

Мальчик нахмурился.

– По поводу него надо будет спросить. Но все равно это хороший план. Если хотите, можете быть моим помощником.

– Эх, Робби, если бы – но тебе нужен кто-то на постоянной основе, а мне придется возвращаться через пару недель. От меня большой пользы не будет.

– И все-таки, пока вы здесь. Мы могли бы...

– Ты мог бы пойти переобуться и помыть руки перед чаем, вот что ты мог бы сделать, Робби Бойд. Давай... марш! – Дуглас принялся затаскивать внутрь мешок гравия, который оставили рядом с домом.

– У тебя отличный парень, Кирсти.

Она улыбнулась.

– Ну да. И еще один ожидается весной, но мы пока ему не сказали. Его нужно к этому подготовить, а то он привык тут командовать курятником, наш Робби.

Саймон прошел за ней в дом. Кирсти. Она не изменилась. Она была все той же высокой, дружелюбной и беззаботной молодой женщиной, с которой он встретился шесть лет на-

зад, завел мимолетный роман и получил по челюсти от Дугласа за свои потуги. И все-таки не той же. Она была матерью, женой, активным членом небольшого сообщества, в котором все рассчитывали друг на друга, особенно во время долгих тяжелых зим. Она больше не была такой легкомысленной и беззаботной, хотя ее открытость и непослушные волосы остались при ней.

Он не жалел, что тогда ему не удалось отбить ее у Дугласа. Круглогодичная жизнь на Тарансуэ была явно не для него, и ограниченный, замкнутый уклад острова свел бы его с ума. Он желал им всего самого лучшего и был рад, что они создали семью здесь: этому месту нужна была молодая кровь. Но в то же время Саймон им завидовал. Дом. Они всегда рядом друг с другом. Маленький Робби. Еще один ребенок на подходе. Спокойная, оседлая жизнь.

Он стянул ботинки, прежде чем зайти на новую шикарную кухню Кирсти; окна выходили на море, а от плиты исходило приятное тепло. Даже когда светило солнце, на Тарансуэ нужно было зажигать духовки и камины.

– Я буду сидеть рядом с вами, мистер Саймон.

– Да, господин Робби, так что следи за манерами, и никаких назойливых вопросов, а то отправишься в постель.

– А вы можете держать вилку вашей бионической рукой?

– Робби...

– Нет, все нормально, Кирсти. Да, могу – я могу делать фантастические вещи этой рукой, но через несколько меся-

цев мне привезут еще более фантастическую, и я смогу застегивать пуговицы и чесать за ухом.

Протез был настолько удобным, насколько это вообще возможно на данном этапе. Саймон прошел много часов физиотерапии, и его ждало еще больше, плюс уроки по использованию новой руки, которая являла собой практически произведение искусства. Через какое-то время он полностью привыкнет к ней, так ему сказали. Он почти не будет чувствовать ее и станет использовать так же инстинктивно, как и правую руку. Почти. Но ему сказали и кое-что другое.

– Дело не только в механизме работы ваших конечностей, – говорил Алекс, его физиотерапевт. – И даже не в том, как вашему мозгу удастся справляться со всеми различиями между вашей настоящей рукой и протезом, – а ему придется это делать. Дело в ментальном восприятии. В принятии.

– В позитивном мышлении?

– Речь скорее об отсутствии негативного мышления. Это придет, Саймон.

И он знал, что процесс уже начался. С физической точки зрения он начался хорошо. Психологическое испытание оказалось более серьезным, как Алекс и предсказывал. Он работал с достаточным количеством военных – без ног, без рук и с разными другими комбинациями.

– Тело готово. С ним работать гораздо проще, чем с мозгом, который чаще всего отказывается. А это уже не мой

профиль.

Он более чем хотел заниматься с Алексом столько часов, сколько нужно. Он тренировался, заставлял себя и удивлялся собственному прогрессу. Но что касалось его ментального состояния, он отказывался от встреч с психологом, которого присылало полицейское управление, и от посещения группы реабилитации, хотя и понимал, что это неправильно.

Они ели жареную рыбу с сегодняшнего улова, картошку и горох с разросшегося огорода Кирсти. Свежие продукты на острове было сложно достать, только если ты не выращивал их сам, – а выращивать самому было непросто с учетом короткого лета, не особо благодатной почвы и более или менее непрекращающегося ветра с моря.

Робби совершенно затих после того, как они доели яблочный пирог, овсяные печенья и чеддер. Он слегка сполз на стуле и замер.

– Так, молодой человек, мне известны ваши уловки. Сиди спокойно и тебя никто не заметит, да? Еще десять минут. Саймон, не хочешь чашечку чая и глоточек чего-нибудь?

Через десять минут Кирсти пригрозила пальцем своему сыну. Без единого слова он вышел из-за стола и бросил последний восхищенный взгляд на руку Саймона.

– Знаешь что, Робби? Почему бы завтра после школы тебе не зайти ко мне, и тогда я покажу тебе ее как следует и расскажу, как эта штука работает? Ты должен увидеть, насколько она хороша.

Мальчик задумался, а потом вместо рукопожатия обнял Саймона, – прижавшись к нему всего на секунду, мягко, как кошка, – и быстро убежал спать.

Два

Ранним утром следующего дня, все еще помятый и несвежий после вчерашнего путешествия, Саймон отправился бродить по острову. Сначала он поднялся по однополосной дороге, ведущей на холм и доходящей приблизительно до его центра. Отсюда дорога снова спускалась вниз, и, поскольку с этой стороны Тарансуэя жило совсем немного людей, она была узкая и каменистая: никто за ней не ухаживал.

После нескольких миль монотонной утомительной ходьбы Саймон снова начал карабкаться вверх по скалам над беспокойным морем. Внизу ему открывалась длинная полоска песчаного залива. Бакланы и моевки липли к каменистым склонам, время от времени взлетали, а потом опять ныряли в свои норы. Впереди было только море, которое с этой стороны никогда не было спокойным, никогда не стихало. Огромные волны накатывали одна на другую и оставляли одну длинную пенную линию на берегу. Он бы не смог услышать себя за ревом моря и галдежом птиц. Но здесь не с кем было разговаривать.

Он присел на каменный выступ и долго смотрел вдаль. Небо было молочным, воздух свежим, но не холодным. И дул ветер. Здесь всегда дул ветер.

Он был не уверен, самое ли это красивое место, где он бывал, – наверное, нет. Но сейчас оно было ближе всего его

сердцу. Ему нравились одиночество, дикость, непрерывное движение облаков, и моря, и жесткой травы, взлеты и падения птиц. То, как все это поглощало, но при этом оставалось совершенно равнодушно к его присутствию.

Другая сторона острова была мягче: более защищенная, ближе к воде, хотя бакланы могли реветь и выть и там, и море было достаточно суровым, чтобы лодки оставались на причале по нескольку дней, и движение парома останавливалось.

Смог бы он жить здесь? Круглый год, когда по три месяца темно, а темно здесь значит черным-черно? Круглый год, когда из-за погоды можно застрять на острове на неделю или больше? Электронные коммуникации здесь настроили хорошо, так что с внешним миром можно было контактировать так же спокойно, как и на материке, но это означало только слова, сказанные или написанные, несущиеся туда и обратно по киберпространству, а не живое человеческое общение.

«И все-таки... – думал он, щурясь от солнца, которое только что поднялось, выглянуло из-за горизонта и сверкнуло на поверхности моря. Он увидел, как головы трех тюленей всплыли из-под воды совсем рядом с берегом, – и все-таки...»

Тюлени исчезли так внезапно, что он оглянулся посмотреть, чего те испугались, и разглядел фигуру, движущуюся вдоль пляжа рядом с кромкой воды. Это была женщина в рыбацких сапогах и длинном водонепроницаемом плаще землистого цвета; вокруг шеи у нее был намотан шарф, скрыва-

ющий большую часть волос. Она шла уверенно, широкими шагами, и глядела на песок. Через несколько мгновений она наклонилась, подняла что-то, рассмотрела и опустила себе в карман. Пройдя еще немного, сделала это снова.

Прочесывает пляж, значит. И сейчас, наверное, можно ожидать хорошего улова, ведь море ушло и оголило полоску камней и мусора. Отлив тут всегда происходит мгновенно. Женщина продолжала идти дальше. Она не видела Саймона. Он не двигался. Через какое-то время она скрылась из поля зрения за ближайшим выступом, и тюлени вынырнули снова.

Три

– Одна минута.

– Я готов.

Феликс прогромыхал вниз по лестнице. Серые шорты. Серый пиджак с небесно-голубым кантиком, обозначающим, что он из церковного хора. Без кепи. С кепи было покончено в первые дни Сэма в школе.

– Гобой?

Он бросил на своего отчима, Кирана Брайта, печальный, снисходительный взгляд. Если он и мог что-то забыть, то точно не свой гобой – инструмент, за который он взялся с таким энтузиазмом, что тот стал как будто продолжением его тела всего за несколько месяцев.

– Тогда вперед!

Маршрут Кирана до Бевхэма и полицейского управления не проходил через собор, но в первые же дни своего брака с Кэт он предложил ей отвозить Феликса на утреннюю репетицию.

– Это же так просто, – сказал он. – Таким образом я получаю Феликса в свое распоряжение каждое утро. И первым прихожу на работу. И таким образом этого не надо делать тебе, и если даже мне немного не по пути, то уж тебе, если ты едешь в клинику, – тем более. Решено.

В этом был смысл, но для нее главная причина казалась

не такой очевидной и практической. Муж хотел установить связь с ее младшим сыном, и, кажется, Феликса устраивала сложившаяся ситуация – впрочем, Феликса устраивало по большей части все. Он был уравновешенным ребенком, довольным жизнью, он принимал ее как есть, наслаждался тем, что она предлагала, и его редко что-то тревожило даже на мгновение.

Ханна, которая сейчас училась в школе сценического искусства, из беспокойного ребенка превратилась в талантливую молодую девушку и теперь разделяла легкую жизнерадостность Феликса. Сложным был Сэм, ее старший.

Она посмотрела, как машина свернула с дорожки и ее сын повернулся к Кируну, о чем-то оживленно тараторя, а потом тихо выругалась, вспомнив, что забыла напомнить им о своей вечерней репетиции в Хоре святого Михаила, первой в этом сезоне. Вспомнит ли Кирон, что они с Феликсом сегодня останутся ужинать одни?

Кирон вспомнил. Ее напоминание было бы излишним. Он был Мистер Организованность, Мистер Порядок, Мистер Рациональность.

А еще он был мужем, которого она не искала и не рассчитывала обрести после смерти Криса. У них были некоторые общие черты, как она часто замечала, но организованность была не одной из них. Только в своем отделении Крис был таким. Но его верность и преданность работе были неизменны, и Кэт уважала это, как и тот факт, что работа занима-

ла первое, второе и третье места в его жизни, отодвигая ее. По-другому она бы и не согласилась. В то же время, думала она сейчас, поднимаясь наверх, чтобы накраситься и подготовиться к новому дню, она и сама часто ставила работу превыше всего, и это не всегда способствовало облегчению семейной жизни. Когда она была врачом общей практики – до установления новых порядков, когда с них сняли такие обязанности, как ночные смены и выезды по выходным, – она разрывалась между пациентами и детьми, и только тот факт, что Крис тоже был врачом, делал это приемлемым. Когда она стала медицинским директором в Имоджен Хаузе, лаффертонском хосписе, она тоже оказалась между молотом и наковальней, долгом и обязательствами.

Сейчас же Кэт снова работала врачом на полставки, партнера по общей практике у нее не было. Неужели все произошло наоборот? Теперь, когда двое ее детей большую часть времени проводят вне дома и муж может разделить с ней свободное время и домашние обязанности, не должна ли она уделять работе больше времени?

Но написание книги о паллиативной помощи в общей практике заполняло оставшиеся часы, и она планировала писать и дальше. Оба ее родителя работали в больницах, а еще читали лекции, участвовали в исследованиях и писали. Она шла по их стопам.

В отличие от Сая, подумала она, открыв тушь и вытащив щеточку. Нужно будет потом написать ему.

А еще ей нужно было связаться с Сэмом. С Сэмом, который уехал в Ньюкасл, якобы чтобы помочь другу освоиться в университете, а скорее, как думала она, чтобы сбежать из дома и принять какие-то решения по поводу своего собственного будущего, – а еще, возможно, чтобы сбежать от своего отчима, хотя насчет этого она была не уверена. Кирон сказал, что между ними все было гладко, просто должно пройти время, чтобы все окончательно устаканилось. Сэм ничего не сказал.

На их свадьбе он был тихим, но вполне веселым. Там присутствовала только семья и несколько близких друзей, проходила свадьба в маленькой часовне Богородицы в соборе. Они с Кироном с самого начала решили, что ее никто не поведет под венец и что они выйдут к нему вместе, как равные. К тому же ее отец с самого начала заявил, что не придет. Саймон еще не оправился после того, как оказался на пороге смерти из-за нападения, потерял левую руку и провел несколько недель в больнице. Он казался довольным, но немного отчужденным и по-прежнему несколько потерянным. Это был хороший день, и у Кэт не осталось сомнений по поводу повторного брака. Она была рада, когда все кончилось и они смогли спокойно погрузиться в повседневную жизнь, – после нескольких дней в Нью-Йорке, которые Кирон преподнес ей в качестве сюрприза.

Она завершила свой макияж, еще раз прошла расческой по волосам и отправилась в отделение, отчетливо ощущая,

что работа уже не вызывала в ней прежнего воодушевления. Все изменилось. Кризис общей практики оставил глубокую рану в душе всех тех, кто отдавался уходу за пациентами со всей страстью и преданностью, а пациенты, в свою очередь, утратили все иллюзии по поводу врачей и тех услуг, которые они предоставляют, и, следовательно, стали более требовательными и склонными к жалобам.

На своем сиденье она нашла листок бумаги.

«Выше нос. Это будет прекрасный день. Люблю. К.»

Он оставлял такие записки – не каждый день, чтобы она не могла к ним привыкнуть, а от случая к случаю: клейкая бумажка на зеркале или подушке, вырванный из блокнота лист в машине, как сегодня. Она опустила его в сумку, улыбаясь и выезжая на дорогу.

Войдя в отделение, Кэт увидела у стойки регистратуры знакомую фигуру. Миссис Коутс – восьмидесятидевятилетняя немощная старушка, страдающая от артрита, полимиалгии и плохого зрения и совсем недавно перенесшая пневмонию. Она жила одна и была упряма, но, как казалось Кэт, имела достаточно сил, чтобы справляться с жизненными неурядицами самостоятельно.

– Я понимаю, – говорила она Анджеле, одной из секретарш. – Я знаю, как вы все заняты. Я это знаю.

– Так вот, я могу предложить вам встречу с мистером Сандерсом в понедельник в два тридцать. Вам это подойдет?

Кэт не хотела вмешиваться и подставлять Анджелу, но,

когда попыталась проскользнуть мимо, миссис Коутс обернулась.

– О, доктор Дирбон, я понимаю, как тут у вас все устроено, но я пыталась встретиться с вами, а вы всегда так заняты, никогда нет окон на прием. А так тяжело каждый раз встречаться с новым доктором и заново ему все объяснять, хотя я понимаю, что все врачи здесь очень хорошие.

– Я пыталась объяснить миссис Коутс, что у врача перед глазами все записи, так что совершенно не важно, кто сидит напротив нее.

– Я знаю. Могу я взглянуть?

Беглый взгляд на экран с расписанием приемов подтвердил то, что Кэт и так знала: ее график в отделении был забит на ближайшие две недели, которые и были открыты для записи пациентов. Как и миссис Коутс, она понимала: новая система предполагала, что пациента могли записать только на свободное время у одного доктора из семи. Это вполне подходило человеку с острым фарингитом или ребенку с сыпью – тут любой доктор мог помочь. Но для пожилых людей или пациентов с продолжительной историей болезни, с которым был знаком лишь один врач, для тех, кому было неловко говорить с незнакомыми людьми, должна была существовать возможность записаться к предпочитаемому специалисту.

– У вас какая-то новая жалоба, миссис Коутс? Вам не обязательно проходить через все эти процедуры, просто скажите: вы хотите поговорить о чем-то недавнем или о текущих

проблемах?

Анджела явно разозлилась.

– У нее ничего нового, доктор Дирбон, у нее...

– Вы можете вернуться в десять минут второго? Я вас быстренько приму.

Прием заканчивался в двенадцать тридцать, но, по ее опыту, растягивался еще на двадцать-тридцать минут.

– Мне неловко просить вас вернуться, но у меня действительно все забито этим утром.

– Вы очень добры, доктор, очень добры. Без проблем, я вернусь. Спасибо. Я понимаю, как это непросто, понимаю.

– Я знаю, что понимаете. До свидания.

Приемная начала заполняться, зазвонили телефоны. Анджела недобро посмотрела на Кэт. «Я это тоже понимаю», – подумала Кэт. Даже слишком хорошо. Но правила иногда нужно обходить. Она не позволит заставить себя извиняться.

Она зарегистрировалась в системе, когда в коридоре у ее кабинета уже зазвучали первые шаги. Оставалось еще очень много таких миссис Коутс, которые требовали нежного и внимательного обращения. Сколько раз она говорила на собраниях отделения, что система должна служить им, а они постоянно рискуют сами прислуживать ей?

Четыре

Кому: s.serrailleur@police.gov.uk

От кого: chief.bright@police.gov.uk

Доброе утро, Саймон. Надеюсь, на Тарансуэе все благополучно. Отдыхай. Тебе это нужно. Но, надеюсь, твой внутренний коп скоро начнет рваться в бой после передышки. Мы подберем для тебя что-нибудь, чтобы ты легко влился.

Здесь все хорошо.

Кирон

Кому: s.serrailleur@police.gov.uk

От кого: sam101notout@gmail.com

Привет, Сай. Все еще на ньюкаслской земле. Возвращаюсь в понедельник, и даже не спрашивай, что дальше. Буду строить планы, как-то вертеться. Нужно поговорить. Ты когда домой? Последний матч в субботу. Хотя ты с крикетом завязал? Знаю, жестко. Мама порхает в облаках. Фликсер аналогично. Можешь представить, что у меня когда-то и сестра была?

Люблю, Сэм

Кому: s.serrailleur@police.gov.uk

От кого: cat.deerbon@lafferton.nhs.uk

Привет, дражайший братец, как ты? У нас тут просто замечательно, сегодня 26 градусов, вовсю светит солнце, и Феликс жутко недоволен, что надо надевать пиджак. Кирон по-

прежнему возит его на занятия, но должен же кто-то это делать, верно? Как рука? Есть какие-нибудь новости по поводу постоянного протеза? Я знаю, что ты бы хотел избежать упоминаний о нем, но деваться некуда – ты что-нибудь слышал от папы? Я почти уверена, что ответ будет отрицательный, и обычно он чиркает мне что-нибудь коротенькое каждые несколько недель, но я ничего не слышала от него с середины июля. Джудит приедет к нам на несколько дней на следующей неделе, и будет просто отлично повидаться с ней, но тема отца будет, как обычно, как бельмо на глазу, и это неприятно.

Школа Ханны ставит «Парней и куколок» – она шлет восторженные сообщения и отчаянно надеется на хорошую роль. Предупреждаю заранее: мы все должны явиться.

Сэм собирается возвращаться, но мы не расслабляемся. Он очень беспокойный. Но, кажется, уже не так переживает насчет К. Они неплохо ладят. Бог знает, что он планирует делать этот год. Выпускные экзамены он вроде сдал неплохо, но, кажется, сомневается насчет будущей карьеры. В пользу чего, понятия не имею. Сейчас мы это обсудить не можем. Он даже пару раз упоминал медицинскую школу. До последнего времени это была полиция – и, скажу больше, вооруженная полиция – и только она. И я никогда не видела в нем особенной страсти к медицине – а она нужна.

Раньше я надеялась, что хотя бы один из трех продолжит семейную медицинскую традицию, но сейчас я никому бы

этого не пожелала, только если это не станет их единственной и глубокой одержимостью, и только если это будет какая-то редкая специальность. Невролог – хорошо. Лицевая пластическая хирургия для пострадавших на войне – хорошо. Детский онколог – хорошо. Общая практика – не очень. Очень тебя люблю. И позвони домой.

К.

Он сидел на краю причала, под солнцем. По прогнозам, солнце должно было исчезнуть уже сегодня вечером и уступить место дождям, бурям и высоким приливам. Не всегда просто было предсказать, сколько это продлится, но бывало, что дожди прекращались, а позднее летнее солнце так и не возвращалось. Во всяком случае, оно бы было уже не таким теплым, как сейчас. Скоро должны были прибыть лодки с припасами и почтой, и Саймон хотел помочь с разгрузкой. Он мог носить относительно большие коробки и ящики, но не самые тяжелые. Не с этой рукой. Не с такой легкостью, как раньше. Он никогда особо не гордился своими мышцами, хотя всегда занимался спортом и был подтянутым. После физиотерапии, которую ему прописали в качестве реабилитации, он стал даже более спортивным, чем раньше. Хотя его попросили не проверять свой протез на прочность и не пытаться поднять что-то слишком тяжелое. Потом, когда у него будет новая, постоянная рука. Потом. Но физиотерапевты – самые позитивные люди на свете. Нет. Никогда. Нельзя. Этих слов не было в их лексиконе.

Саймон опустил смартфон в карман. В этих письмах не было ничего, что встревожило бы его. Сэм поймет, куда ему двигаться – чем бы это «куда» ни оказалось. Сестра, кажется, порхала от счастья. С личной точки зрения его никогда по-настоящему не тревожил брак сестры с начальником. Поскольку Саймон все еще был в отпуске после ранения, он не успел столкнуться с какими-то профессиональными конфликтами, связанными с тем, что босс стал его зятем. Может быть, никогда и не столкнется – не только потому, что каждый из них будет стараться соблюдать границы, чтобы другому было удобнее, но и потому, что у него все еще оставались сомнения по поводу возвращения на работу. Каким копом он будет? Его убеждали, что это «абсолютно никак не повлияет на чье-либо отношение или какой-либо аспект его работы». Что, правда?

Упоминание Кэт об их отце он просто проигнорировал. После того как Ричарда Серрэйлера обвинили в изнасиловании и он сумел найти себе достаточно умного адвоката, чтобы Королевская прокурорская служба отказалась от дела, Саймон освободил свою голову от любых мыслей о нем. Их отношения всегда были непростыми, но и без этого он был полностью убежден, что КПС совершила ошибку.

Он взглянул на море и увидел, как паром свернул в гавань. Пока собралось всего несколько человек, но должно было появиться больше. Пабы и магазины начнут готовить запасы на грядущую зиму, используя все доступные поме-

щения, которые частично освободились летом, когда лодки приходили чаще. Саймон подскочил.

Островитяне знали о том, что случилось, знали, что Саймон лишился левой руки, и много раз предлагали ему выпить или просто поговорить, но особого шума поднимать не стали – за что Саймон был им благодарен. И теперь он вместе со всеми ждал, пока лодка осторожно прибьется к берегу, с борта выкинут трос и начнется выгрузка первых коробок и ящиков. Саймон и еще двое мужчин взяли по небольшой коробке с продуктами, погрузили их в тележки и стали отвозить к складу за магазином.

– Свечи, – говорила женщина, которую он сегодня видел на другой стороне острова, прогуливающейся по берегу. Она была высокой, и ее светлые волосы были завязаны в узел на затылке. – Вы приехали вчера? – спросила она.

– Вечером. – Ему было не так просто одновременно удерживать тележку и везти ее вверх по склону, так что он не хотел тратить дыхание на разговоры, но она, кажется, усвоила информацию мгновенно. Она не предложила ему помощь, просто отошла с дороги и продолжила везти собственную тележку наверх.

Вынос, погрузка, переноска и складирование заняли целый час. Лодка была набита до отказа, пассажиров на ней не было, не считая двух членов команды.

Свечи. Батарейки. Плотные носки. Сверхпрочные резиновые сапоги. Газовые баллоны с бутаном. Чистящие средства.

Бочки с растительным маслом. Соль. Дождевики. Еще и еще.

Саймон остановился, чтобы перевести дыхание. Он много упражнялся после происшествия, но прежняя физическая сила пока не вернулась к нему, и у него очень сильно болело плечо.

– Почти все.

Женщина перетаскивала ящики с тележки в дальний конец склада и с каждым обращалась как будто играючи. Саймон был недоволен собой. Он не должен устать раньше, чем женщина. Такая мысль раньше никогда бы его не посетила. А сейчас он злился. Его гордость была уязвлена.

– На этом все, – прокричал кто-то. – Последняя для бара.

Вокруг «Тарансуэй-Инн» царило веселое оживление.

– Ты уже познакомился с Сэнди? – Из толпы появился Дуглас. – Она приехала незадолго до твоего последнего визита, а теперь стала местной.

Женщина подняла бокал с пивом. Ей, наверное, было уже сильно за сорок – хотя, скорее всего, и меньше: ветер и холод делали кожу тех, кто оставался здесь на зиму или на две, красной и грубой, и это прибавляло возраст.

– Саймон Серрэйлер.

– Сэнди Мердок.

Саймон взял большой стакан односолодового, чтобы унять боль в плече. Ему прописали сильнодействующие обезболивающие, но он предпочитал виски.

– Вы надолго здесь?

– На неделю, на две или на три. У меня нет четких планов.

– У меня тоже не было. Я приехала на неделю, неделя превратилась в месяц, и вот уже прошло четыре года. Почти.

У нее не было шотландского акцента, но ее голос приобрел особенную тарансуэйскую интонацию, придававшую ему мелодичность, которую раньше Саймон не встречал.

– Как вам зимы?

Сэнди пожала плечами.

– Ветер может свести с ума, конечно. Но я нормально их переношу. Нужно просто затаиться и переждать.

Бар заполнялся, и у всех входящих были мокрые плечи и волосы. Дождь струился по оконному стеклу.

– А вы? – спросила она Саймона, впрочем, не глядя на него. – Вы получили травму?

– Да.

– Авария?

– Нет.

– Понятно.

– Давайте я возьму вам еще. – Саймон поднялся. – Темный шенди?¹ Что-нибудь покрепче?

– Нет, нет, я больше не пью крепкое. Только иногда, чтобы спастись от холода. Но спасибо.

Вошла Кирсти и сказала что-то Дугласу, стоящему у бара.

¹ Шенди (англ. Shandy) – напиток, очень популярный в Великобритании. Пиво, смешанное со льдом и лимоном или с напитком, имеющим лимонный вкус. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.)

– Чем я могу вас угостить? Кирсти?

– Нет, мне нужно ехать забирать Робби, я уже опаздываю, а школа вечером закрывается.

Сэнди помахала Кирсти, когда та ушла, застегивая плащ и потряхивая пышными волосами.

– Дуглас?

– Спасибо. Я выпью один, а потом мне надо бежать на задний двор, натягивать сетку-рабицу.

Когда на стойке оказались два стакана виски, Дуглас подлил в свой из стоявшего рядом кувшина. Серрэйлер поморщился.

– Чертово кощунство, – сказал он. – Отличный виски, а ты портишь его своим лимонадом. Никогда не мог этого понять.

Дуглас рассмеялся.

– Какие-нибудь новости? – Он кивнул на руку Саймона.

– Нет, будут только через несколько недель. Они не особо распространяются.

– Ты вернешься на работу, когда тебе приделают, как выражается Робби, бионическую руку?

– Я не знаю, Дуглас, я правда не знаю... Место за мной, и они будут придерживать его столько, сколько я захочу. Но это не может длиться вечно.

– А ты не можешь влиться как-то постепенно?

– Наверное, могу. Но хочу ли? Возвращаться вообще, в первую очередь.

– Ну а как иначе?

Саймон допил виски, ничего не сказав. Этот вопрос он сам задавал себе много раз, но никак не мог найти ответа.

Дуглас выпрямился.

– Спасибо. Похоже, Сэнди не давала тебе заскучать.

– Кто она? Помимо того, что местная. Откуда приехала?

Дуглас приподнял бровь.

– Слегка старовата для тебя, нет?

– Да иди ты, я не это имею в виду, и ты это знаешь. Просто интересно. Новый человек, который приехал на Тарансуэй и остался...

– Ну, что я могу сказать... Она проявила себя с самого начала. Вообще, мне с забором не помешала бы помощь... закончили бы в два раза быстрее. Она почти везде и всегда на подхвате. Помогает здесь, когда становится совсемлюдно летом. Иэн говорит, что она, похоже, управляла баром в прошлой жизни. Но сейчас меня волнует забор. – Он стал пробираться сквозь толпу туда, где сидела Сэнди.

Только когда Саймон вышел на улицу и зашагал в магазин, чтобы купить кое-каких припасов, он подумал, что Дуглас с тем же успехом мог попросить помочь с забором и его. Но он этого не сделал. И Саймон вновь почувствовал укол обиды.

Пять

На ней всегда был платок, а женщины теперь редко носили платки, не считая королевы. Вот что пронеслось в голове у офицера за стойкой, когда в участок зашла женщина.

– Доброе утро. Я миссис...

– Стилл. Мэрион Стилл.

– Да.

– Чем я могу вам помочь, миссис Стилл?

– Вы знаете чем, сержант. Ничего не изменилось. Я пришла, чтобы встретиться со старшим суперинтендантом.

– Боюсь, что вам снова не повезло, миссис Стилл, – суперинтендант в продолжительном отпуске.

– То же самое вы говорили мне в прошлый раз. Вы или ваша коллега.

– Ну, это было правдой тогда и является правдой сейчас.

– У него все еще отпуск?

– Он на больничном. И я понятия не имею, когда он вернется, но это будет не завтра. Все, что я могу сделать, – это узнать, свободен ли кто-нибудь из уголовного розыска, и тогда я к вам спущусь...

Женщина залилась слезами. Глядя на ее хрупкое тело, слегка подавшееся вперед, как будто она несет что-то тяжелое, на ее серое лицо, изрезанное морщинами от нервов, сержант испытывала искреннее сочувствие. Она знала, почему

женщина здесь. Она уже очень давно пыталась увидаться с суперинтендантом.

– Миссис Стилл... Вы можете сидеть тут хоть всю неделю, если вам так хочется, я не возражаю, но вы просто потеряете время, потому что мы не знаем, когда суперинтендант вернется. Если вы хотели бы поговорить с кем-нибудь другим...

– Это должен быть кто-нибудь из начальства, и Серрэйлер лучший, ведь так?

Зазвонил телефон, и двое полицейских в форме завели в участок молодого человека в наручниках, сжав его между собой. Миссис Стилл шагнула от стойки, но даже не двинулась в направлении выхода.

А потом снаружи остановилась машина старшего констебля.

Кирон знал три варианта, как вести себя с особами наподобие миссис Стилл. Он мог провести остаток дня в попытках избегать и игнорировать ее. Он мог перекинуть ее на кого-нибудь другого с указанием, чтобы на нее не тратили слишком много времени.

Или мог принять ее сам.

На следующий день, в среду, секретарь отправила миссис Стилл к нему в офис в штаб-квартиру в Бевхэме. Туда ее доставила полицейская машина – комфортабельная, но без опознавательных знаков. Кирон хотел, чтобы она почувствовала, что к ней отнеслись со всем возможным вниманием и обязательно как следует выслушают. Он взял материалы де-

ла домой и подробно их изучил. Он также запросил большую подборку статей в прессе – с того дня, как Кимберли пропала, и до последнего раза, когда пресса обращалась к этой теме. В общем, как обычно, статьи сокращались и появлялись все реже уже через несколько месяцев после происшествия. Кимберли Стилл официально все еще числилась пропавшей без вести, но таких были сотни, и СМИ просто не могли ставить каждого на первую полосу, хотя дела о пропавших детях старались освещать как можно подробнее и активнее.

– Я вам очень благодарна, – сказала она ему. Принесли чай. Принесли кофе. Принесли шоколадные печенья.

Кирон сидел не за своим столом, а на стуле рядом с ней.

Бедная женщина. Больше о ней нечего было сказать, как и обо всех тех людях, кто нес за собой многолетний груз горя и скорби – даже не скорби, а мучительного чередования надежды и отчаяния, – и каждое утро просыпался в кошмаре. Кирон слишком часто заглядывал в глаза людей вроде Мэрион Стилл. Любой коп, который задерживался на этой работе дольше чем на пару лет, замечал в них странную мертвенность и печаль, которые тяжелой тенью заслоняли любые искорки жизни и энергии.

– Миссис Стилл, я дал себе труд целиком ознакомиться с вашим делом. Возможно, вы знаете, но я еще не служил в полиции, когда Кимберли пропала, так что я рассматривал все документы и свидетельства впервые. И это хорошо, у меня был свежий взгляд. Я серьезно над ними поразмышлял

и теперь, мне кажется, могу задать вам несколько вопросов. Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Вы хотите сказать, что начнете с начала и снова попытаетесь узнать, что случилось и куда он забрал ее, где он... где она? Я знаю, кто этот «он», мистер Брайт, как и все. Просто такое ощущение, что никто не считает это важным.

– Конечно, это важно. Но я не хочу делать вид, что раскрою это дело, миссис Стилл. Пожалуйста, поймите. Очень много людей участвовали в поисках Кимберли и пытались выяснить, что с ней произошло. Колоссальное количество человеко-часов было затрачено на протяжении большого периода времени. Никто не сдавался без боя, это я вам точно могу сказать.

– Я это знаю. Знаю. Я уже говорила, насколько благодарна, могу я не повторять?

– Конечно, можете. Это всегда было и остается вашим правом. Это был наш долг перед Кимберли и перед вами – сделать все возможное и даже больше. Я это говорю к тому, что даже если мы запустим новое расследование, я не могу гарантировать результатов. Просто не могу. Насколько мне известно, новых улик нет.

Она поставила чашку и посмотрела прямо на Кирана, и на секунду он увидел что-то в ее глазах. Отчаяние, решительность? Нет. Убежденность. Ужасную, четкую убежденность. Он уже видел такое раньше, у безумцев и одержимых.

– Слушайте, это сделал он. Ли Рассон. Я с трудом про-

изношу его имя, оно у меня во рту отдает гнилью, хочется сплюнуть. Это сделал он. Я думаю, он как-то заманил ее к себе в машину, увез, а потом... а потом сделал то, что сделал. И я знаю, что он сел в тюрьму до конца жизни не только за мою Кимберли. За всех других. За этих бедных девочек. Вы говорите, что нет новых улик, но улика есть... всегда была.

– Да. Но когда эту улику – не очень-то надежную – представили перед Королевской прокурорской службой, ответственной за принятие окончательных решений, ее посчитали неубедительной. Они посоветовали не привлекать Рассона за это убийство наряду с остальными, потому что обвинения могли легко отклонить из-за хлипкости. А в этом случае Рассон мог попросить о подаче апелляции и на другие решения суда, за их неблагонадежностью, что, в свою очередь – это очень маловероятно, но возможно, – привело бы к их пересмотру, и Рассон сейчас бы разгуливал на свободе.

– Это сделал он.

– Я тоже склонен так полагать после прочтения всех материалов. И старший офицер расследования на тот момент...

– Инспектор Уилкинс.

– Да... Он сказал, что полиция даже не искала других подозреваемых. Предполагалось, что Кимберли убили, и, вероятно, это сделал Ли Рассон. Но поскольку не было найдено ни тела Кимберли, ни вообще каких-либо ее следов, Рассона...

– Который только и делал, что врал.

– Который отрицал, что имеет к этому хоть какое-то отношение – точнее, что он вообще бывал в Лаффертоне, не говоря уже конкретно об этих числах, – не привлекли к ответственности.

– Я не верю, что они на него как следует надавили. Если человек виновен, на него можно надавить – его можно заставить признаться, рано или поздно.

«Это не всегда так», – подумал констебль. Но не было смысла объяснять это миссис Стилл, которая была уверена, что Рассон виновен и что кому-нибудь когда-нибудь обязательно удастся его расколоть.

Шесть

В саду было слишком жарко даже в тени деревьев, но, когда он свернул на дорожку, уличный градусник показывал всего 26 градусов. Днем, в два часа, было 30. Если повезет, когда он доберется до кафе, станет еще прохладнее. На западе клубились облака, а это могло значить, что позже пройдет гроза и погода на время поменяется.

Он захватит свой экземпляр «Таймс», как обычно выпьет кружечку холодного пива, а за ней и вторую, а потом решит, съесть ли ему блюдо дня или пойти домой и дожидаться Дельфин, чтобы разделить с ней поздний ужин на террасе.

Когда он пришел, она бросила в его сторону быструю улыбку, но в заведении было полно народу, и она без конца носила туда-сюда подносы с едой и напитками, обмениваясь приветствиями и короткими репликами с гостями за столами с обеих сторон. У нее сейчас не будет на него времени. В дальнем конце было свободное место, прямо у края террасы. Он кивнул паре человек и пожал руку мужчине, после чего погрузился в чтение газеты. Ему нравилось быть приятным. Дружелюбным. Ему нравились местные жители – французы, нравились пожилые мужчины, которые каждый вечер играли в петанк под конским каштаном, а в четверг и пятницу днем – в домино за старинными каменными столами. Его французский был относительно неплох. В молодости он провел в

этой стране год и с тех пор почти ежегодно приезжал сюда отдыхать. А в итоге он переехал сюда и снял маленький загородный дом из темного камня. Он поддерживал соседские отношения со всеми жителями деревушки – и все они были французами. Они иногда помогали, если ему оказывалось что-то нужно, а он выручал их в ответ – как правило, медицинским советом. Они довольно быстро сообразили, кто он по профессии.

Общества экспатов он избегал. Ему не нравились их закрытость и упорное желание говорить по-английски даже громче, чем на родине, их преувеличенная фамильярность с хозяевами кафе и магазинов, их выкрики: «Повтори-ка еще раз, Дельфин, *s'il vous plait!*»

Они пытались включить его в свое сообщество, когда он приходил сюда первые несколько недель, предлагали ему присесть за свой огромный стол во время послеполуденного кофе. Он всегда улыбался, но потом усаживался в одиночестве. Они перестали звать его, только иногда посматривали украдкой и, разумеется, начинали обсуждать, стоило ему выйти за дверь.

Дельфин было двадцать пять. Ему – семьдесят четыре. Иногда он льстил себе, предполагая, что выглядит на десять лет моложе.

Перед ним поставили ледяное пиво – это была не Дельфин, а новенький молодой официант, Оливье. Она принимала любые предположения о том, что выделяет Ричарда, об-

служивая его вне очереди, слишком близко к сердцу, так что довольно часто оставляла его своим помощникам.

Из нескольких разговоров, которые завязались между ними в тихие минуты в кафе, он узнал, что она три года прожила в Лондоне, бегло говорила по-английски, хотя делала вид, что не умеет, и что она такая же умная и веселая, как и красивая.

Время от времени он представлял себе, как однажды она проснется, увидит в нем старика, которым он на самом деле и был, и исчезнет, чтобы потом неожиданно объявиться под руку с молодым симпатичным французом. Он не был влюблен в нее, но он наслаждался ее обществом, беседами с ней и легкостью ее чувств. Ее молодостью. Такое приятное для него положение вещей длилось уже шесть месяцев. Она получала относительно маленькую зарплату, но ей оставляли приличные чаевые, так что она никогда у него ничего не брала. Она, безусловно, составляла ему лучшую компанию, чем семья.

Кэт была целиком и полностью поглощена своим новым мужем, детьми и работой, Саймон не связывался с ним уже очень долгое время. Саймон. Поправился ли он? Уволился ли из полиции? Где он и с кем? Ричард стал бы отрицать, что хоть иногда задумывается о чем-то из этого. Но когда он оставался один и в его распоряжении оказывалось слишком много свободного времени, он думал о сыне и о внуках. И о Джудит, своей бывшей жене. О Джудит больше всех.

Дельфин сама принесла ему второе пиво – большинство столов уже было обслужено.

– Сегодня утиная грудка, салат и жареный картофель. Прости, *chéri*.

Ричард не любил утку, а в этой части Франции она была основой меню любого ресторана.

Он поморщился.

– Есть еще неплохой стейк, и лангустины выглядят отлично.

– Нет, спасибо, я ограничусь этим и пойду домой, буду ждать тебя. Я бы не отказался... от позднего ужина теплым вечером. – Он дотронулся до ее руки.

– Я закончу не раньше десяти тридцати – одиннадцати, ничего?

– Конечно. Я посмотрю передачу про вскрытия.

Теперь наступил ее черед морщиться. А в следующую секунду она уже ускакала к столу новоприбывших гостей. Ее темные волосы были аккуратно собраны и заколоты на затылке, из-под них виднелась прекрасная длинная шея. На ней были черные леггинсы и просторная футболка, и под ней проглядывалась вся остальная фигура. Стройная. Потрясающая. Он выпил еще пива и вернулся к английским новостям. Казалось, что они становятся все дальше и дальше, имеют все меньшее отношение к его нынешней жизни. На удивление устроенной и приятной жизни.

Он сидел в саду, попивая холодное пиво, и глядел на мо-

тыльков, бьющихся о фонарь. Через какое-то время он заснул прямо в шезлонге, а когда проснулся, было уже пять минут двенадцатого. Дельфин так и не вернулась домой. Он пошел внутрь, проверил телефон, посмотрел, стоит ли ее мопед под навесом. Его там не оказалось. Он позвонил в кафе, но попал на автоответчик.

Он обнаружил ее сидящей на опрокинувшемся мопеде у обочины, в миле от дома. Его фары выхватили ее из темноты. Она согнулась вдвое, упершись головой в колени.

Переднее колесо мотоцикла помялось, крыла вообще не было. Он лежал на боку, и Ричард сперва оттащил его к забору, а затем помог Дельфин забраться к себе в машину. Ее лицо и руки были в крови, но она была в сознании и, насколько он мог видеть в полутьме, ничего не сломала и не ушибла. Кровь текла из ее носа и глубокого пореза на руке.

– По встрече очень быстро ехала машина.

– Идиот.

– Желтая машина.

– Ты ее узнала?

– Кажется, нет. Все произошло моментально, я улетела на обочину, и он уехал.

– Идиот и сволочь. Но давай сначала как следует тебя осмотрим. Возможно, тебе нужно в больницу.

– Нет, нет, я в порядке.

Опухший нос выглядел очень болезненно, но сломан не был. Дома Ричард умыл и обработал ей лицо и руки и забин-

товал порез, который оказался очень серьезным, и Ричард даже подумал, что, возможно, понадобится наложить швы. Но сегодня он решил ей ничего не говорить, просто дал большую дозу снотворного и уложил в кровать в комнате, выглядывающей окнами во двор; там деревья не позволят солнцу ее потревожить.

– Ой, а что с мопедом?

– Разберусь с ним утром. А ты ложись и попытайся уснуть. Зови, если боль станет сильнее или замучает голова. Вот тупой идиот этот водитель. Когда уезжаешь из Англии в страну, где ездят по правой стороне, нужно и мозги переключать. Постоянно напоминать себе – на правую, на правую. Видимо, он слишком быстро срезал на том повороте, рядом с мусорными контейнерами.

– Да, – Дельфин отвернулась в другую сторону. – Спасибо, – проговорила она.

Что-то не так было с ее голосом. Он присел на кровать и взял ее за руку.

– Что такое?

– Ничего, ничего, не волнуйся. Я просто немного в шоке, наверное.

– Конечно, ты в шоке – но дело же не в этом, да?

– В этом, в этом. Больше ни в чем. Со мной все будет в порядке, когда я посплю.

– У тебя все будет ныть и болеть, особенно нос и рука. Не рассчитывай завтра просто встать и пойти на работу, Дель-

фин.

– Со мной все будет...

– Нет, не будет с тобой все в порядке. Обезболивающие начали действовать?

– Да, спасибо огромное, уже гораздо лучше. Спасибо, *mon chéri*. Уверена, ты был очень хорошим доктором.

Он тихо закрыл дверь и пошел налить себе бокал вина. На улице все еще было очень тепло. Тепло. Тихо. В вечерней тьме порхали белые, как призраки, мотыльки. Ночная сова. Копышася козодои.

Он не чувствовал себя уставшим и размышлял о том, что сказала ему Дельфин об аварии, пытаясь выстроить в голове четкую картину. Ему было не по себе.

У него зажужжал телефон и зажегся экран.

«Привет, пап».

Кэт. В Англии сейчас на час меньше.

«Только закончили ужинать. Час назад позвонила Ханна, сказала, что ее взяли в новый мюзикл – она разделит главную роль с двумя другими девочками. Она просто в диком восторге. Видела, у вас там жара. У нас нет. Надеюсь, у тебя все хорошо. Целую, Кэт».

Он перечитал сообщение дважды. Кэт, ее семья, ее загородный дом. Лаффертон. Другая планета. О возвращении не могло быть и речи. Ему нравилась его жизнь здесь. У него была Дельфин. Но он ощущал какую-то странную оторванность от реальности, как будто его подлинное «я» и его под-

линное существование остались там, где были всегда, – дома, в Галлам Хаузе, сначала с Мэриэл, потом с Джудит.

Он часто пытался снова представить себя дома. Дом все еще стоял на месте, хоть сейчас был в распоряжении других жильцов. Он мог вернуться туда буквально через пару месяцев, если бы захотел. Семья была на месте. Ничего не изменилось, не считая естественного хода событий, – жизнь продолжалась, люди росли, старели, женились, умирали. Новые дома строили, а старые сносили. Прокладывали новые дороги, меняли привычные маршруты. Не более того. И не менее.

Он не мог вернуться. Может быть, через год или два, но точно не сейчас (от этих воспоминаний он отмахивался в редких случаях, когда те грозили всплыть на поверхность), не когда его чуть не обвинили в изнасиловании. Чуть не обвинили. Потому что, естественно, он не насиловал Шелли, она сама на него вешалась, а он проявил слабость и глупость в те несколько секунд помутнения. Вот и все. Остальное – просто высосанные из пальца обвинения и обычная мстительность. Он знал это. И другие тоже знали. Тем не менее на нем все равно осталось черное клеймо насильника. Таким он был в глазах всех, кто его знал, – а у людей долгая память. Обманчивая, но долгая.

Он понятия не имел, живут ли до сих пор Шелли с мужем в Лаффертоне. А теперь задумался, не стоит ли разузнать. Если они переехали, он мог бы навещать дом время от времени, хотя сомневался, что когда-нибудь захочет снова жить

в Лаффертоне.

Он проверил Дельфин, прежде чем пойти в постель. Она спала, ее лицо опухло и покраснело, дыхание было затруднено из-за спекшейся в носу крови. Рука с порезом лежала на одеяле, и кровь до сих пор немного просачивалась сквозь бинты. Он нежно дотронулся до ее руки и почувствовал желание защитить ее и позаботиться о ней, как о поранившемся ребенке. Она немного поворочалась, но не проснулась.

Он полежал недолго с открытыми глазами; его смутили чувства, проснувшиеся из-за аварии, особенно после того, как он только что посмотрел на Дельфин. Это было чувство огромной нежности и...

И он не знал – чего. Он знал только, что чувство это незнакомое, новое и тревожное.

Семь

Вуки зарычал – низким утробным рыком, который как будто шел из живота, а не из пасти, – но не пошевелился и не открыл глаза.

Через тридцать секунд машина Кирона свернула к дому. Вуки снова зарычал.

– Глупая собака. – Кэт с ногами залезла на диван. Она дочитывала *«Попугая Флобера»* – роман, который они выбрали для обсуждения в книжном клубе на следующей неделе.

– Приехал бы ты на пять минут позже, все мое внимание было бы полностью в твоём распоряжении, но теперь придется подождать, потому что я на предпоследней странице.

Он подошел к ней и поцеловал в лоб.

– Я ничего не говорю. Выпьешь?

Она кивнула, переворачивая страницу.

Вуки не прекращал рычать. Кирон принес два бокала вина, поставил их на низкий столик и присел рядом с Кэт. Терьер поднялся и перебрался в дальний конец дивана, по-прежнему ворча.

– Когда ты уже ко мне привыкнешь и перестанешь рычать, Вукс?

Кэт читала еще ровно минуту, а потом закрыла книгу.

– Просто не обращай на него внимания.

– Я живу здесь целых четыре месяца, а он продолжает ре-

агировать на меня, как на грабителя.

– Грабителя, боюсь, он бы не впечатлил.

– Стоит мне щелкнуть пальцами у него перед носом, он скалит зубы.

– Тогда не делай так. Ну, здравствуй. Хорошо провел день?

Кирон вздохнул.

– Очень много бумажек, затянувшаяся встреча с комиссаром и одна безумная женщина. Нет, не так – одержимая женщина. На самом деле мне ее очень жаль – ее дочь исчезла несколько лет назад. Скорее всего, была похищена. И она уверена, что знает, кто это сделал. Как и мы, ведь он и так в тюрьме за два других убийства – он признался в них, но уверяет, что к этому не имеет никакого отношения. Она хочет справедливости, это понятно – хочет довести дело до конца. Это тупик.

– Мэрион Стилл.

– Ты знаешь ее?

– Наша пациентка. Как и Кимберли. И как она?

– Зациклена. Но без эмоций.

– И что ты ей сказал? «Мы ничего не можем поделать»?

– Примерно. Но я думал об этом по пути домой...

– Рассон виноват, ведь так?

– Очень похоже на то, но я не знаю всех деталей. Это произошло до того, как я оказался здесь. Я хочу поднять файлы и посмотреть на них.

– Утром мне пришел имейл от старого друга из медицинской школы. Люк Ренфрю. Я по нему страшно сохла.

– Так, я на это не клюну. Только не говори, что он переезжает в Лаффертон.

– На самом деле в Старли, и не волнуйся, он гей.

– Ну, люди переобуваются.

– Не Люк. Его партнер – очень богатый итальянец, который только что купил там отель. Он хочет поговорить со мной о проекте... Все, что я могу, – это согласиться на его приглашение пообедать. Вспомним старые добрые времена и все такое.

Кэт изобразила испуганный вид, когда Кирон кинулся ее душить. Но Вуки совсем не понял, что это шутка.

– Черт возьми!

Собака сильно укусила его за руку, спрыгнула с дивана и убежала.

– От такого можно и умереть!

– Нет, нельзя, если тебе делали прививку от столбняка. Если начнет ныть или воспалится, дам тебе пенициллина, а пока давай наклеим пластырь. – Кэт обработала укус дезинфицирующим средством.

– Это подпадает под закон об опасных собаках, ты знаешь?

– Вуки не опасная собака.

Он показал ей свою руку.

– Он просто не привык, что ты здесь живешь. Я пойду го-

товить ужин.

Кирон поплелся за ней.

– И я тебя умоляю, хватит так сжимать кулак.

– Он болит!

– Нет, просто чуть-чуть щиплет.

Кирон сел и с несчастным видом посмотрел на пластырь.

– Ладно, так что там говорит этот Люк, который тебе нравился?

– Да ничего... Хочет поинтересоваться моим мнением насчет чего-то.

– Думает присоединиться к вашей практике?

– Сомневаюсь, и в любом случае я уже не при делах, я же теперь не партнер. Вот, отрежь хвостики у фасоли.

– Не думаю, что могу двигать правой рукой.

– Ты можешь двигать правой рукой. – Она бросила кастрюлю, нож и фасоль на стол перед его носом. – Да, ты говорил, что у тебя есть какие-то мысли по поводу убийства Кимберли Стилл?

– Не очень содержательные. Мне нужно сначала посмотреть материалы, как найдется время.

– И когда это будет, можно уточнить?

Он закатил глаза.

– Я уверена, есть люди, у которых времени точно побольше, чем у тебя.

Кирон взял горсть фасоли. Снова опустил ее на стол.

– Теперь, когда ты это сказала...

– Саймон?

– Саймон.

Восемь

Гроза собиралась весь день, и к тому времени, как последний паром покинул гавань, судно ныряло и взлетало на огромных волнах, а нос обдувал штормовой ветер, так что им пришлось разворачиваться и возвращаться в док три раза. Когда они пришвартовались, только команда твердо стояла на ногах и сохраняла бодрость духа.

У Сэма никогда не было морской болезни, но эта поездка оказалась для него проверкой на прочность. Он с трудом удержал равновесие, ступив на причал, и земля, казалось, покачивалась у него под ногами. Он взвалил на плечи рюкзак и посмотрел наверх, где все еще горели огни паба. Он не планировал приплыть так поздно. По идее, он должен был сесть на паром в первой половине дня, но в силу самых разных обстоятельств, включая то, что он проспал, не смог поймать машину, а потом заскочил в поезд, когда тот уже уходил с платформы, и уехал в противоположном направлении, он успел только перед самым закрытием переправы.

– Тебе повезло. Скорее всего, завтра утром они вообще не поплывут, если прогноз верный.

Когда стемнело, на причале уже никого не было. Единственными пассажирами, помимо него, был мужчина с рюкзаком, который сразу зашагал к парковке в гордом одиночестве, и компания студентов-исследователей, загрузивших

ся в ожидавший их автобус, – им нужно было на другой конец острова, где находился исследовательский центр. Команда приводила судно в порядок и готовилась отправляться. Сэм стал подниматься к пабу. Снаружи он увидел пару велосипедов и обшарпанный грузовой фургон. Внутри стояла тишина, не считая завывания бури и бормотания двух мужчин, выпивающих за баром. Они обернулись, когда открылась дверь.

– Заходи и захлопни дверь, дружок, а то нас сейчас унесет в море.

Сэм не сделал ни шага после выполнения этой просьбы.

– Ты, наверное, не откажешься от виски, судя по твоему зеленому лицу?

– Нет, я в порядке. Тут у кого-нибудь есть машина, чтобы меня подбросить?

– Нет, ни у кого – в это время суток и в такую погоду. А куда ты направляешься?

– Да ладно, парень, выпей чуток за мой счет. – Рыжеволосый мужчина сдвинул несколько монет в сторону бармена. – Я тебя здесь уже видел.

– Я бывал здесь раньше.

– Тогда давай... За тебя и за долгие лета.

Сэм взглянул на виски. Он никогда его не пробовал, но они смотрели. Все трое. Он поднял стакан и осушил его в два глотка, как лекарство, которым виски и отдавал. Поставил стакан на место и еще раз спросил, есть ли у него шансы, что

его подкинут.

Бармен вздохнул.

– Моя гора рухляди стоит в гараже с пробитым поддоном. Жена ездит на велосипеде, но тебе правда не захочется его сейчас брать. Свой ты тоже здесь оставишь, я так понимаю, Джон?

Рыжеволосый мужчина соскользнул с барного стула.

– Ага.

– Спасибо за выпивку, – поблагодарил Сэм.

Тот кивнул, а потом выскользнул за дверь, впустив внутрь очередной порыв ветра.

– Он живет всего в паре сотен ярдов вверх по холму. Если думаешь оказаться на другой стороне острова, забудь. Свободной комнаты у меня нет, но можешь поспать на диване. Ты мелкий кузен Саймона, да?

– Племянник.

– Я помню. Он всего в трех милях отсюда, но ты сейчас туда не дойдешь.

Сэм посмотрел на свой рюкзак. Он мог бы поспать на диване несколько часиков и встать на рассвете, когда буря успокоится. Когда он уже был готов принять предложение, снаружи завизжали шины, и дверь резко распахнулась, вырвавшись из рук входящего. Снаружи крутились вихри брызг, дождя и ветра.

Хозяин громогласно рассмеялся.

– А вот и единственный человек, которому хватает безум-

ства оставаться снаружи, в машине или без.

На вошедшей женщине были зеленый клеенчатый дождевик, сапоги и зюйдвестка, которую она стянула с головы, обрушив на коврик поток воды.

Она на секунду задумалась, оглянувшись вокруг, и заметила Сэма и другого посетителя бара, который решил остаться на ночь.

– Мне нужен газовый баллон, если у тебя осталось с последней поставки, Йен. Хрень какая-то. Я уверена, что он был не пустой. Я еще ни разу не добивала баллон полностью.

Йен рассмеялся.

– Да, никогда, Сэнди. И я вечно тебе об этом говорю, а теперь придется тащить газовый баллон со двора в такую погоду.

– Я возьму полпинты лагера, чтобы смягчить этот удар.

Йен подвинул к ней пиво.

– Я принесу баллон. А ты позаботься пока об этом молодом человеке. – Они обменялись быстрыми взглядами, в которых Сэм прочел: «Присмотри за ним, чтобы он не налил себе еще выпить или что-то такое».

Сэнди оглянулась. Она окинула его взглядом, мгновенно составив свое мнение. Он понял это и почувствовал себя некомфортно.

– Сэнди Мердок. Ты приплыл на последнем пароме?

Сэм кивнул.

– Я думал, что меня подкинут отсюда, но не повезло.

– И не могло повезти, в такую-то ночь. А куда тебе нужно?

Он задумался. В любом другом месте он бы незнакомцу отвечать не стал, но на острове это, наверное, было нормально. Все тут знали о делах друг друга, а каждого новоприбывшего замечали и оценивали.

– К моему дяде. Он в Стэйне.

– К Саймону? А, да, точно, теперь я тебя разглядела. У тебя его черты лица, хотя цвет волос и глаз отличается.

– Значит, вы его близко знаете. – Сэм искоса взглянул на женщину. У нее было скуластое лицо и жесткие волосы цвета соломы.

– Ты не пьешь, – заметила она.

– Мне не надо.

– Ну, не скажу, что я никогда не пью в одиночестве, но я предпочитаю компанию. Сейчас Йен вернется, ты что будешь?

– Лимонад.

– Да брось ты.

Он ничего не ответил, и они сидели в тишине, пока не вернулся хозяин.

– Баллон у тебя в джипе. Только посмотри, во что я превратился.

– Спасибо, Йен. А теперь плесни-ка Сэму, а я возьму у тебя еще полпинты.

Не обратив никакого внимания на протесты Сэма, она отнесла виски и полкувшина лимонада на стол.

– Это чтобы лучше провалилось, – посмеялась она, поднимая свой стакан.

Через пятнадцать минут ей удалось вытянуть из Сэма всю историю его жизни. Он выпил еще виски, и бар начал сиять золотистым светом. Он почувствовал приятную усталость и внезапно проснувшийся аппетит.

– Так, – произнесла Сэнди, стукнув стаканом о стол, и поднялась. – Нужно отвезти тебя к дяде, прежде чем придется тебя отсюда выносить. Хотя я могу, имей в виду.

Сэм чувствовал, что его слегка пошатывает, но уверенно направился к двери. Он открыл ее, а ветер с силой захлопнул.

– Подожди-ка здесь – забыла кое-что. – Сэнди быстро побежала обратно к стойке. Сэм проводил ее взглядом. Она казалась очень хорошим человеком, и он сразу почувствовал к ней глубокую симпатию. Кажется, виски выставлял все в самом лучшем свете.

В джипе стало тепло после включения обогревателя; он загудел, как турбина, заглушая стук дождя по крыше и завывание ветра в неплотно закрывающихся окнах. Сэм подумал, что был бы не против проехать вот так хоть тысячу миль. Его душа пела.

– А что там такое было?

– Что было?

Сэм попытался заставить свой язык ворочаться, чтобы задать интересовавший его вопрос, но к тому времени уже за-

был его.

Для дворников на переднем окне борьба с хлещущим дождем оказалась непосильной, так что они просто слабо скребли по стеклу из стороны в сторону, периодически оставаясь.

– Как ты можешь что-то там разглядеть?

– К этому привыкаешь. Я знаю дорогу.

– Ты здесь родилась, Сэнди?

– Нет, но я люблю это место, Сэм. Люди приезжают сюда в июне-июле, когда все цветет и пахнет, но они не видят картину целиком. Саймон тоже его любит, тебе не кажется? Черт!

Джип занесло на обочину по мокрой дороге. Сэнди умело его выправила, и они выехали на последний участок пути. Сэм посмотрел в окно, но ничего не смог различить.

– Тебе сильно не по пути?

– Нет, не сильно.

Они разворачивались.

– А вот и он... дом. Только будь повнимательнее – там льет как из ведра и очень скользко.

– Огромное, огромное спасибо. Ты была очень добра. Я очень благодарен. Спасибо. Спасибо тебе.

– Пожалуйста, Сэм.

Он увидел, что Сэнди смеется. Над ним? Это его разозлило, и он захотел ей как-нибудь ответить, прямо здесь, под дождем и ветром, но она резко сдала назад, колеса подняли

брызги грязи и воды, и Сэм, еще не дойдя до двери Саймона, забыл, что собирался сказать.

Через полчаса – Сэм принял горячую ванну, переоделся в одежду Саймона и поставил стираться вещи из рюкзака – он сидел на кухне перед дымящейся чашкой чая и наблюдал, как яйца, бекон и картошка шкворчат на сковороде. Когда перед Саймоном предстала промокшая насквозь, раскачивающаяся фигура, он мало что сказал, только поприветствовал словами: «Черт меня побери». А теперь он слушал сбивчивый, но уже более трезвый рассказ своего племянника о его путешествии. Он не стал спрашивать, что Сэм пил, догадавшись, что вряд ли об этом стоит беспокоиться.

– Что с твоими волосами? – внезапно спросил Сэм, как будто только что заметил его в комнате.

– Радикально? – Саймон провел рукой по голове. Белокурую копну, которая раньше постоянно падала ему на лоб, теперь обкорнали, обнажив его череп и очень длинную шею.

– По-тюремному.

– Спасибо. Просто этот Джорди не мог подстричь их как следует, так что я разрешил ему орудовать ножницами во всю. Да и дольше отрастает. Не хочешь поджаренного хлеба?

– Нет, спасибо. А помидоров нет?

– Извини.

Саймон поставил перед ним тарелку и дождался, пока Сэм умял три или четыре огромных куса и прервался, чтобы их запить. А потом сказал:

– Что же, ты рассказал мне, как добирался сюда. Но за-
чем?

– Ну, знаешь, я тут был неподалеку.

– Никто никогда не бывает неподалеку от Тарансуэя.

– Ну, почти. И я давно тебя не видел. Решил, что надо бы.

– Я польщен.

– Как?.. – Сэм кивнул на руку Саймона.

– Нормально.

– Отлично.

Саймон оставил его в покое, сделал еще чая и положил ку-
сок имбирного пирога ему на тарелку. Кирсти пекла и прода-
вала их в местном магазине вместе с другой выпечкой. Они
быстро разлетались и добавляли немного денег к семейному
бюджету, как и куриные яйца. Жизнь на острове была скуд-
ной. Ничто не пропадало зря.

В короткий туристический сезон все старались заработать
побольше, чтобы хватило на зиму, когда возможностей для
заработка было не так много. Такой образ жизни Саймону
нравился, но он не был уверен, что смог бы долго им насла-
ждаться. К тому же ему было слишком легко заскучать с та-
ким ограниченным существованием.

Они сидели друг напротив друга, слушая, как снаружи по-
прежнему бушует буря. Сэм взялся за кружку.

– Спасибо, Сай.

– Всегда рад.

– На самом деле я кое-что хотел с тобой обсудить.

Саймон молчал. Он и не думал вестись на обыденный тон Сэма.

Порыв ветра с дождем ударил в окно.

– Надеюсь, она без проблем добралась до дома.

– Кто, Сэнди? О Сэнди не волнуйся – она настоящий боец. Во всяком случае, мне так кажется. А когда идет разгрузка, она работает за двух мужчин.

– Где она живет?

– За холмом, ближе к побережью.

– С семьей?

– Нет, одна. Если у нее где-нибудь и есть семья, она никогда о ней не упоминала.

– И ты хорошо с ней знаком?

– Как с соседкой, да – здесь все за всеми приглядывают. Это необходимость. Она заходила на чашку чая, когда привозила сюда что-то. А что?

Сэм пожал плечами и отвернулся. Саймон рассмеялся.

– Нет, – проговорил он. – Ты, наверное, шутишь. Она... ну... НЕТ.

– Ладно. Твои подружки всегда супергламурные, это правда.

– А что насчет твоих?

– Отвали!

– Элла, да?

Сэм кинул в него подушкой.

– Слушай... Я думал спросить об этом Кирона, но по-

том... Думаю, я просто больше доверяю тебе.

– Нет никаких причин не доверять Кируну, Сэм, он хороший человек... хороший коп. У тебя же с ним все в норме, да?

– Да, да, и мама так счастлива... к тому же он отвлекает ее от меня.

– Точно.

– Полиция. Вся эта моя история с королевским отрядом.

Сэм хотел служить в вооруженных силах полиции, сколько сам себя, да и Саймон его, помнил. Изначально план был такой: получить хорошие оценки, вступить в ряды полиции и дослужиться до уровня вооруженных отрядов как можно скорее. Последние пару лет Сэм занимался стрельбой из винтовки и быстро достиг успехов. Он возглавлял таблицы лучших стрелков по мишеням в области, но ни под каким предлогом не хотел участвовать в охоте на диких зверей. Это стало предметом нескольких горячих споров с Кируном: он не понимал, как его пасынок рассматривает возможность – а от этого никуда не деться – убийства человека и при этом из принципа отказывается стрелять в фазанов. Сэм же настаивал на том, что эти вещи не связаны друг с другом. В конце концов по просьбе Кэт они договорились вообще не касаться этой темы.

– И я думаю... Может, отказаться от этой мысли?

– Стать копом?

Сэм заерзал на стуле. Потянулся к своей кружке. Выпил.

Снова заерзал. Саймон ждал.

– Когда ты бросил медицинскую школу в середине обучения...

– Раньше. Я едва закончил второй курс.

– Ладно, но почему ты это сделал? В чем настоящая причина?

– Настоящая причина – в том же, в чем и остальные. Я не хотел быть врачом. Я знал это еще до того, как поступил, но меня... Ой, я не знаю, Сэм, убедили, заставили. У нас вся семья – врачи. И я не был категорически против – во всяком случае до того, как начал. А к тому времени я уже точно знал, что хочу вступить в ряды полицейских, а не медиков.

– Ты никогда не жалел об этом? Не думал о том, чтобы снова изменить решение?

– Ни секунды. Из меня бы вышел паршивый доктор.

– Ты не можешь этого знать.

– Могу. Но я хотел стать копом, и каждая минута для меня была как праздник. Ну, почти каждая минута. – Он дотронулся до своей руки. – Для меня это ясно как день.

– Понятно.

– И к чему же тебя привели твои размышления?

– Можно мне еще чашку чая?

– Пожалуйста. – Саймону пришлось повысить голос, чтобы его было слышно за ревом ветра.

Сэм не был молчуном, но всегда проявлял осторожность. Он не ввязывался в серьезные разговоры и избегал громких

слов, если не был полностью уверен в том, что хочет сказать. Но Саймон чувствовал, что Сэм уже основательно все обдумал, и очень давно, а сейчас просто набирается смелости. Он бы не стал проделывать такой долгий путь, не пустился бы в это сомнительное путешествие, если бы все как следует не прокрутил у себя в голове.

– Кажется, я передумал насчет полиции... – Он как будто ждал реакции Саймона, но ее не последовало. – Я представляю себе эту жизнь и себя в ней... И выгляжу как лишний кусочек в мозаике. И чем больше я погружаюсь в эту тему, чем больше читаю о ежедневной рутине, тем сильнее мне так кажется. Это глупость?

– Сам знаешь, что нет.

– Я тебя подведу.

Саймон хмыкнул.

– Никого ты не подведешь, и уж в последнюю очередь меня. Повзрослей.

– Я не хочу ошибиться... Это будет полная катастрофа... так что... думаю, я могу передумать.

– Мне кажется, ты уже передумал.

– Правда? Тогда, может, так и есть.

– Гораздо лучше понять это сейчас, Сэмбо, чем после года обучения. Прежде всего – для тебя.

– Ну да... – Ответ Сэма потонул в долгом зевке.

Саймон поднялся.

– Пообщаемся завтра. Ты уже засыпаешь. У меня подго-

товлена постель, но нужно найти еще одеяло – из-за такой грозы температура может очень резко опуститься.

Они поднялись по лестнице, Сэм достал из рюкзака умывальные принадлежности и футболку для сна, а Саймон расстелил кровать и зашторил окна, за которыми бушевала стихия.

– Сай... Я просто... Да, мы еще пообщаемся, но...

– Не говорить ничего твоей матери.

– Ага.

– Очень надо. – Он неловко похлопал Сэма по плечу, потому что не был уверен, насколько тот оценит медвежьи объятия, которые так любил в детстве.

Сэм сел на кровать и проверил матрас. Он прилег на подушку, чтобы проверить и ее, заснул через пятнадцать секунд и проснулся только в десять утра следующего дня.

А Саймон тем временем спустился вниз, налил себе немного виски и устроился на диване. Сейчас он перечитывал «Шпиона, пришедшего с холода» Ле Карре и хотел вернуться к этому увлекательному занятию, но на минуту задумался о Сэме. Если его и удивило это решение, он пытался этого не показывать. Но Сэм был так долго предан идее пойти в вооруженную полицию, приводя свою мать все в больший ужас, что это казалось уже решенным делом. Казалось, что больше ничего – кроме крикета и хоккея, в которых он показывал себя блестяще, – его не интересовало. Саймон отговаривал его, как мог, проверяя серьезность его намерений,

но Сэм никогда не колебался.

А что тогда? Полиция, но не вооруженная? Уголовный розыск? Больше ничего не оставалось. Сэм был умным и усидчивым – но все же не интеллектуалом, так что академическая карьера ему не подходила, как и преподавательская. А от любой офисной работы он просто-напросто свихнется.

Нужно было придумать план Б.

Девять

Снаружи «Берли» казался все тем же провинциальным отелем в деревенском стиле, но, зайдя внутрь, Кэт поняла, что его обновили, причесали и придали обстановке утонченности. Стены были сделаны под шпатлевку, на полу лежал ковер пастельного бежевого цвета, а в обивке преобладали кремовые и серые тона. Бар украшали панели, отделанные материалом, похожим на кремовую кожу, стулья были отделаны им же, только оттенком темнее. Поменяли и освещение. Оно было интимное, но холодное – во всем проглядывало итальянское влияние.

Партнер Люка, Энрико, должно быть, потратил несколько миллионов на это место, надеясь привлечь более богатую и интернациональную публику... Но все-таки расположение очень важно, и Кэт сомневалась, что отель на окраине Лаффертона станет пользоваться популярностью, какой бы цветущей и приятной ни была местность.

– Кэт! Ты свежа, как майская роза!

Увидев его, она сразу вспомнила, почему сохла по Люку двадцать пять лет назад. Он остался в точности таким же – стройным, подтянутым мужчиной, выглядящим неприлично моложе своих лет, с густыми темными волосами, седина в которых только придавала ему привлекательности. И он не растерял свой шарм. Люк взял ее за руки и расцеловал в обе

щеки.

– А ты не разучился подлизываться. Приятно тебя снова видеть, Люк.

– Я занял стол у окна. Давай выпьем по бокалу шампанского и отпразднуем.

Люк повел Кэт по залу, в котором было очень тихо. Она не заметила, что именно он выбрал в меню, но позже официант вернулся с бутылкой «Вдовы Клико».

– Этот костюм мог приехать только из Италии, – заметила Кэт. Костюм был очень бледно-серого оттенка, из качественной шерсти, идеально сидел и великолепно сочетался с угольно-серой рубашкой и галстуком цвета фуксии. Кэт на секунду попыталась представить Кирона в таком наряде, но только улыбнулась. Он прекрасно смотрелся в форме, но все остальное время предпочитал нечто прямо противоположное строгости и стилю. Она стала медленно и ненавязчиво обновлять его гардероб с того момента, как они поженились. Крис был точно таким же. А вот Саймон – Саймон смог бы сдюжить этот костюм.

– За нас! – поднял тост Люк. Принесли оливки и несколько видов канапе размером с монетки: с креветочным паштетом, увенчанным веточкой укропа, с горкой икры или свернутым ломтиком копченой ветчины.

Кэт охнула и откинулась на стуле.

– Какой бы ни был повод, – сказала она, – это восхитительно. Спасибо тебе.

– Отлично, а теперь рассказывай, что произошло за последние двадцать с лишним лет, доктор Дирбон. Я так полагаю, на работе тебя по-прежнему называют так?

И, пока они наслаждались шампанским, она все ему рассказала: о детях, болезни и смерти Криса, Саймоне, Кироне. Она не упоминала только Ричарда – о смерти ее матери Люк знал из некрологов в медицинских изданиях.

– Ну, это все личное. Поговорим о медицине.

– Так мы не закончим и после основного блюда.

– Без проблем. У меня масса времени. А у тебя?

– У меня сегодня выходной.

В отеле теперь была не только большая официальная столовая, но и отдельный ресторанчик. Люк предоставил выбор Кэт, и сначала она взглянула в сторону главной залы.

– Извини, но это все равно что обедать в морге – там вообще никого нет.

Итальянский ресторанчик оказался очень уютным и камерным, при этом столы стояли не слишком близко друг к другу, а меню располагалось не только над баром, но еще и на грифельных досках рядом с каждым столом. Они заказали лингвини с крабом и лобстерами и салат. Сначала подали свежий теплый хлеб и оливковое масло.

– Я понимаю, в каком состоянии находится общая практика в целом, – сказал Люк, – но каков твой личный опыт? Поделись со мной самым актуальным.

Кэт попыталась, но застряла на описании работы в палли-

ативе Имоджен Хауза, короткого периода работы в Бевхэмской центральной больнице, где ее ни во что не ставили и постоянно подставляли, и того момента, когда она стала заместителем главного хирурга.

– С одной стороны, мне нравится – все очень милые, со всем мне помогают, приглашают на общие обсуждения, как будто я полноценный партнер. Но дело в том, что это не так. На меня спихивают пациентов, явившихся в последнюю минуту или не по назначению, с температурой. Я даю довольно много консультаций по телефону. Никакого постоянства! Я редко принимаю одного пациента дважды. И это норма.

– И сколько ты берешь часов?

– Эквивалентно трем с половиной дням.

– Условия?

– Неплохие. У меня нет своего кабинета, но у заместителей их и не бывает. Мне это подходит, так у меня остается время на собственную жизнь и на мужа.

– То есть ты не перенапрягаешься?

– Точно нет.

– Но и платят неважно.

– Ну... Времена изменились. И доктора тоже.

Кэт прервала разговор, чтобы поесть. Лингвини с щедрой порцией белого крабового мяса и крупными кусками лобстера пропитались соусом, салат был заправлен отборным оливковым маслом. Она хотела как следует посмаковать свои блюда и насладиться ими не спеша.

Люк подлил им воды со льдом. Графин был до краев наполнен дольками лимона и листиками мяты.

– Позволь я расскажу тебе об индивидуальных медицинских программах.

Официант успел принести и унести два лимонных сорбета и кофе, какой умеют делать только итальянцы, когда Люк закончил рассказ. Наконец, он допил второй эспрессо и откинулся на стуле.

– Я не требую от тебя сразу озвучивать мнение – тут многое нужно осмыслить, все запутано, хотя на практике очень просто. Наверное, единственное, что я хотел бы узнать сразу, – не против ли ты этой идеи в принципе. Многие доктора выступают категорически против частной медицины в любом проявлении, и я уважаю это. Если ты к ним относишься, что же, спасибо за прекрасный обед, было здорово увидеть тебя снова.

– Крис был категорически против. Он бы извинился и раскланялся, не дослушав твой рассказ и до середины. У меня никогда не было такого предубеждения, хотя я и соглашалась с некоторыми его аргументами. Но в его позиции всегда присутствовала изрядная доля гордости, а мне она кажется неуместной, тем более с учетом ситуации, в которой врачи общей практики оказались сейчас.

Люк ждал, что она продолжит, но ей больше нечего было сказать. Не сегодня. Не сейчас.

– Мне нужна неделя, чтобы все обдумать и дать ответ. А у

тебя есть какие-нибудь брошюры, которые можно изучить?

Люк опустил руку в карман пиджака и достал свою визитку.

– Здесь все мои контакты плюс адрес сайта – он, конечно, еще не рабочий, но его сделал профессиональный дизайнер, и там можно найти все, что тебе нужно. Стараюсь, чтобы было поменьше бумажек, если нельзя совсем без бумажек.

– Спасибо. Обещаю, что я его внимательно изучу и вернусь к тебе с ответом – но не раньше, чем точно определюсь. Но это очень интересно.

– Значит, ты не говоришь нет.

– Я пока вообще ничего не говорю, Люк, кроме того, что не откажусь от еще одной чашечки кофе.

Остаток времени они провели, обмениваясь новостями о бывших однокурсниках, делясь пугающими историями об опыте найма новых сотрудников и удручающем состоянии медицинского образования. Кэт подумала, что они совсем как родители в ее первый год в медучилище: никогда не бывает лучше, чем «в наше время».

Люк проводил ее до машины и снова расцеловал в обе щеки.

– С нетерпением жду твоего ответа, – сказал он на прощание.

– Ну, придется потерпеть. Спасибо за обед.

Люк помахал рукой, когда она выезжала за ворота. Кэт постаралась создать впечатление, что проявила к схеме уме-

ренный интерес, но чтение и изучение сайта не было ее приоритетом на ближайшее время. На самом деле она отнеслась к этому с гораздо большим энтузиазмом, чем могло показаться. Пока что ей понравилось все, что она услышала, во многом потому, что это был вариант выбраться из профессионального болота, в котором она сейчас оказалась. Когда Кэт спросила Люка, может ли она посоветоваться с Кироном, он заявил, что это сделать обязательно нужно. «Мнение партнера тут очень важно. Это, естественно, влияет на семейную жизнь. Так что расскажи ему, мне будет интересно узнать его позицию. Надеюсь, мне удастся с ним познакомиться – никогда не встречался с начальниками полиции».

Десять

Дельфин оправлялась целую неделю – не столько от травм, полученных после аварии с мопедом, сколько от шока, из-за которого теперь боялась покупать новый.

– Тогда тебе, наверное, лучше научиться водить машину, это гораздо безопасней, – сказал ей Ричард. Он собрал салат нисуаз и накрыл стол на улице, под тенью трех деревьев. В дальнем конце сада, вдоль забора, расхаживал удод, выискивающий личинок. Дельфин сидела тихо и резала хлеб, но ничего не ела. Он налил ей бокал местного сухого розового вина, пара бутылок которого всегда лежала у него в холодильнике, но она к нему не притронулась.

Нос Дельфин все еще был слегка опухшим и весь в царапинах. Она сидела молча и как будто не хотела вступать с ним ни в какой диалог. Он смешал заправку для салата и влил ее в миску.

– Что ты думаешь насчет уроков вождения? – спросил он. – Ты далеко не едешь, но это все равно будет лучше, как ни посмотри. Если тебя беспокоит оплата...

Дельфин отмахнулась от его рассуждений.

– Мне не нравятся машины.

– Ты не против кататься на моей.

– Это другое. Я имею в виду, мне не нравится водить машину. Может, вело отремонтируют.

– Он довольно сильно помят, Дельфин, мне кажется, его спишут.

– Ну и ладно. Я все равно устала от него, к тому же зимой будет слишком холодно.

– Тогда тебе нужно научиться водить.

Она пожала плечами.

– Этого больше не повторится, ты же понимаешь? По этой дороге ездит совсем немного машин, и я не помню, чтобы кто-то водил настолько неосторожно.

– Я сильно пострадала.

– Да. Но теперь тебе лучше.

– Мне так не кажется.

– Да, лучше. Перестань вести себя как ребенок. Как только ты вернешься на работу, ты сразу обо всем этом забудешь.

– И как я вернусь? Мопеда нет, а если я буду учиться водить, это займет несколько месяцев, да и к тому же... – Она смотрела не на него, а на какую-то неподвижную точку в глубине сада.

– Да и к тому же?..

– Не знаю... Может, я не хочу возвращаться на работу.

– Тебе нужно поискать что-то получше, Дельфин. Ты умная девочка, ты слишком хороша, чтобы обслуживать столы.

– Ну да, я пойду в колледж, как все мои школьные друзья, у меня будет степень и по-прежнему никакой нормальной работы. Мы все работаем по барам и кафе, ты же знаешь. Или в супермаркетах.

Ричард налил себе еще бокал вина. Солнце опускалось за горизонт, и воздух в саду становился бархатным. Вокруг мерцали антимоскитные свечи, источающие кислотно-лимонный аромат. Заурчал козодой.

Он взглянул на девушку. Она сидела, откинувшись на стуле, волосы падали ей на плечи. «Да, – подумал он. Но нет. Все-таки – нет».

– У тебя есть другие идеи?

Она взглянула на него.

– Да, есть. Я могу остаться здесь. Присматривать за тобой.

Одиннадцать

Буря слегка поутихла только поздним утром, когда Сэм сонно ввалился на кухню, залил в себя чай и закинул целый омлет с жареными тостами с маслом.

– Думаю, я могу не спрашивать, хорошо ли ты спал.

– Буквально как убитый. Спасибо за все, Сай. Я бы съел еще столько же.

– Не получится, пока не съездим за продуктами. Мне нужно доехать до магазина, но потом мы с тобой можем пройтись на другой конец острова. В доме хорошо, но после суток в замкнутом пространстве начинает ехать крыша, и, я думаю, в районе двух на улице станет поспокойнее. Только наверху, может, сифонит, и все.

– Переживем, – проговорил Сэм с набитым ртом, а потом, почти не сделав паузы, спросил: – Как ты думаешь, у мамы все хорошо?

– Насколько я знаю, да. А что?

– Я не уверен насчет ее работы – мне кажется, она растрчивает себя на этой должности.

– Согласен. Ты с ней говорил?

– Господи, нет.

– Почему нет? Она прислушивается к тебе гораздо больше, чем может показаться.

Сэм покачал головой.

– Это больше не в моей компетенции. Мне казалось, что я какое-то время отчасти заменял папу, ну, ты понимаешь, а потом, когда с тобой случилось это, – он показал вилкой на руку Саймона, – ну, тебя. Вроде как. А теперь у нее...

– Вроде как...

– Ну да, да... теперь у нее есть муж. Можно еще тостов?

Пока они ехали на пристань, на небе перемешались траурный черный и стальной серый и ветер утих, но море по-прежнему хлестало волнами. Они захватили еду и бумагу.

– Оставим все здесь и пойдем. Не хочешь сначала по пинте?

Бар был наполовину пуст.

– Что, добрался целым? – посмеялся Йен, наливая им пива. – Не побоялся-таки рискнуть жизнью в джипе Сэнди.

– Она молодец.

– Она лучше всех, вот что я тебе скажу. Ты посмотри, Саймон! Парень уже выше тебя, заметил?

– Ерунда! – Саймон бросил деньги на стойку. – Спасибо, что присмотрели за ним вчера вечером.

– Что он прилип к Сэнди с ее машиной? – Они заняли стол у окна. – Она прекрасно водит.

– Конечно, прекрасно – это талант, ездить по местным дорогам в дождь и ветер. Он просто дурака валяет. Плюс нельзя не подшутить над женщиной. Они хорошие ребята, но тут по-прежнему так.

– Другой мир.

– Так и есть. Если мы доберемся до вершины, то пройдем мимо ее дома... Он в закутке с восточной стороны.

– «В закутке». Да уж. Не стоит тебе оставаться здесь надолго.

Саймон сделал большой глоток, ничего не ответив. Но задумался. Он постоянно задумывался в последнее время. На сколько он останется, может ли он остаться, хочет ли он остаться? Или он просто пытается увильнуть от возвращения к нормальной жизни – то есть к тому, во что превратится нормальная жизнь с бионической рукой, как ее нарек Робби? Он все еще на больничном и имеет право оставаться на нем до тех пор, пока ему не предоставят последнюю версию протеза и он не научится с ним нормально управляться. Все решения – после.

Они упорно лезли наверх, и ветер дул им в спины. Они не разговаривали, полностью сосредоточившись на скользкой каменистой дороге, и, дойдя до небольшой развилки, уселись на жесткий терн и стали смотреть на море. Ветер доносил до них брызги морских волн, но вдалеке небо уже прояснялось, и валы становились все ниже. Сэм жевал соломинку. Саймон попытался опереться на локти, но искусственная рука не выдерживала его вес, и он не смог спокойно улечься. Ему пришлось перевернуться на живот.

– Это там она живет? – Сэм показал на шиферную крышу внизу.

– Нет, это пустой участок – со стороны выглядит ничего,

но на самом деле он, считай, заброшен. Есть еще несколько таких же с другой стороны острова. Здесь нельзя обеспечить себе мало-мальски сносную жизнь, просто имея небольшой кусок земли и пару куриц и овец. Нужно что-то еще – поэтому тут сдают дома. Правда, приезжают сюда только после Пасхи и до сентября и обязательно требуют все удобства – конечно, если это не туристы или натуралисты, которым нужна только горячая вода и место, где можно приготовить еду. Нельзя брать большую плату, если не наводить лоск. А наводить лоск тут не любят, и это тут самое приятное.

– Я подумал о медицине, – сказал Сэм, перекинув соломинку из одного уголка рта в другой.

Саймон ничего не сказал и не изменил выражения лица.

– Что ты думаешь?

Молчание.

– Это не... То есть это просто вариант. Но это не та область медицины, о которой ты думаешь.

– Я ни о чем не думаю. Ты должен мне сказать.

– Паталогическая анатомия.

– В смысле клиническая?

– Нет, криминальная.

– А. Понятно.

Из-за угла с их стороны дороги появился микроавтобус, и, когда он проезжал мимо, из окон им радостно замахали студенты-практиканты. Саймон поднял руку в ответ.

– Так что? Не обращай ты на них внимания.

– Так. Почему?

– Я точно не знаю. Но мне нравится выяснять какие-то вещи – дедукция и все такое.

– Этим занимаюсь я большую часть времени.

Сэм покачал головой.

– Конечно, там безопасней – в морге-то. Они не могут выстрелить в ответ.

– Это тут вообще ни при чем.

Саймон сел и выпрямился.

– Извини. Но я слегка в недоумении. Во-первых, почему ты отказался именно от идеи о вооруженной полиции, а не от полиции в целом, и что так внезапно натолкнуло тебя на это?

– Не внезапно. Я об этом думал.

– Сколько, несколько дней? Две-три недели?

Сэм выплюнул изо рта соломинку и резко выдернул из земли другую.

– Я тебя слушаю, Сэмбо, и воспринимаю вполне серьезно. Но это... просто как-то неожиданно.

– Я никогда не говорил, что хочу охотиться на крупную дичь.

– Нет, но даже это не было бы настолько неожиданно.

– Ха.

– Этому долго учиться.

– Я не против.

– Ты можешь погрузиться в тему и понять, что хочешь выбрать вообще другой раздел медицины.

– Могу. Но вряд ли.

Лучи солнца вспороли серое небо вдалеке и упали на волны.

– Пошли, надо двигаться, а то у меня все затекло.

– Наперегонки!

Сэм мгновенно вскочил, рванул вперед и побежал по твердой земле. Саймон секунду смотрел ему вслед, а потом последовал его примеру. Он все еще мог бегать. Почти каждый день он проходил десять миль по острову. Но того бьющего через край восторга и дикой свободы молодого животного, которые чувствовались в Сэме, Саймон уже давно в себе не находил. Он завидовал ему. А еще, начав бежать следом, задумался: неужели долгие дни в компании молчаливых мертвецов среди белых кафельных стен – это подходящее будущее для его энергичного племянника?

Солнце выглядывало только время от времени, но прогулка все равно получилась приятная. Они прошли шесть миль до восточного конца острова преимущественно в комфортном молчании. Здесь земля была более холмистая, и со стороны берега возвышались несколько отвесных скал, о которые за историю Тарасуэя разбивались и больше корабли, и маленькие лодочки. Бакланы, моевки и огромные чайки взмыли в небо и закружили над их головами, прежде чем снова рухнуть вниз и усесться на выступе с группой сородичей, создавая вокруг страшный шум своими хриплыми отвратительными криками. Сэм уселся, глядя на них.

– Здесь, я так понимаю, никто не живет.

– Нет. Слишком крутые склоны, к тому же зимой на них приходится основной удар бурь и штормов. Пониже видны остатки каменных строений. Если кто-то там и задерживается, то только случайный путник или укрывающийся от грозы пастух.

– Там сейчас кто-то есть.

– Не может быть.

– Я видел, как из трубы шел дым, – показал рукой Сэм. – Но только тоненькая струйка.

Саймон достал компактный походный бинокль и разложил его. Ничего такого видно не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.